ИБИС

Альманах

№ 43

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты. Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.

Содержание:

Номер файла:

- ***1-я страница обложки*** **01**
- ***2-я страница обложки*** **02**
- ***Эпиграф к журналу*** **03**
- ***Сначала прочтите это*** **04**
- ***Портрет*** **05**

- **Основы Бытия через ясновидение —** *А.Метельский (продолжение)* **… 06**
- **Настоящая литература!** *Анат. Рыбаков,* **"Прах и пепел" —** *повесть о временах сталинизма. Глава 27* **07**
- **1001 случай криминала:** *легко усматривается эзотеричность* **08**
- **Нравы правоохранителей Украины:** *Андрей КУДИН,* ***«Тюрьма»*** *(публикация книги)* **09**
- **"Оккультный мир"** *(выдержки из книги) — А.Синнет (1881)* **10**
- **Главы из новой книги крупнейшего джазмена России** *Алексея Козлова* **«Козёл на саксе»** **11**
- **"Альтист Данилов"** *(глава 40)* **12**
- **Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям"** *(глава 27)* **13**
- **Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?..** (*окончание*) **14**

- ***Философема*** **15**
- ***Цитата номера*** **16**

- ***3-я страница обложки*** **17**
- ***4-я страница обложки*** **18**

"Самого себя как целого можно достичь только если полностью понимаешь, что обычный мир — это просто точка зрения, независимо от того, принадлежит ли она обычному человеку или магу.

*** * ***

После целой жизни борьбы я знаю, что по-настоящему важным является не просто научиться новому описанию мира, но прибыть к нему целым: следует прибыть к нагуалю, не покалечив тоналя, и превыше всего — не покалечив своего тела."

Дон Хуан

(К. Кастанеда, "Сказки о силе")

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

Портрет главного редактора…

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

О боге и любви

Основой любви является способность к гармоничному сотрудничеству. Ключевым в этом определении является понятие гармонии, то есть меры взаимности сотрудничества. Всякое отступление от нее в ту или иную сторону есть нарушение гармонии, а значит — и любви.

Любовь — это не то, что мы получаем от другого, а то, что отдаём. Истинная любовь — всегда самоотдача, поэтому первое и главное —

уметь видеть свой вклад в любовь, постоянно проверять, не являемся ли мы только потребителями чужой любви и не нарушаем ли тем самым меру отдачи, меру своего положительного участия.

Но в нашем подшем мире всегда надо уметь видеть и обратную сторону — каков результат вклада, даёт ли он отдачу? Не нарушена ли мера в противоположную сторону, и умножает ли наш вклад любовь в этом мире, — или же через подставленного нам в виде воронки сатанинского сыночка (или дочки) она утекает в пустоту, в бездонную прорву, лишь умножая силы зла? Да, да, не удивляйтесь. Нам никогда не говорили, что любовь может умножить зло в этом мире, что неверно направленная и отданная в недостойные руки, она превращается в зло. Нас всё время учили и учат сейчас: люби всех и всё. Люби всех, особенно бедных, обиженных и обездоленных — они так нуждаются в твоей любви, так жаждут её!.. Но развы мы боги, чтобы любить всех и вся, чтобы «взять на себя все немощи и болезни» *(Мф 8:17),* что мог сделать только сам Спаситель? Здесь опаснейшая подмена и двойное нарушение меры. «Что страдает больше всего? — спрошено в Агни Йоге. — Конечно, соизмеримость.» Во-первых, от нас требуют бесконечной по своим размерам любви, которой мы дать не можем. Правильно Даниил Андреев указывал в «Розе Мира», что требовать от человека можно не более этического минимума. А с другой

стороны, нарушается мера вклада того, кого мы якобы любим. И происходит полное переворачивание любви — вместо самоотдачи поощряется потребительство, вместо «я люблю» воспитывается «я хочу любви, я хочу быть любимым». Вместо носителей любви люди хотят быть ее получателями. Но я тут не собираюсь никого воспитывать и переубеждать — это невозможно потому, что такое извращённое представление о любви заложено у многих людей глубоко в их природе. Эти люди по своей натуре — хищники и потребители, то есть те самые засатанённые души, которые если кто и может переделать, то только Господь, а не я. И здесь на Земле нам надо спасать и защищать от них нашу любовь, потому что они — самые страшные её разрушители. Объясню, почему я называю такие души сатанинскими или засатанёнными.

Соотношение всех параметров, о которых я выше говорил — положительных и отрицательных образов, возрастов, способностей и т.д. — можно выразить в итоговом процентном показателе, как степень влияния на данную душу Небесных и демонических сил. При этом я учитываю два важных показателя — природные задатки, то есть соотношение, которое было при рождении, и то, как душа живёт данную жизнь, ибо в ряде случаев людям удаётся поменять исходные параметры (к сожалению, чаще в отрицательную, чем в положительную сторону).

Этот показатель не просто суммирует, но и дополняет остальные. По нему можно определить степень свободы или, наоборот, фатальности души, обусловленные её предшествующим путём. Для нашей грешной Земли за норму я принял нейтральное соотношение — 50 на 50. Но может быть и почти полная фатальность, и значительная свобода. И если воздействие одной из сторон составляет 60 и более процентов, то душу можно считать положительной или отрицательной. При 70 и более процентах «нижнего» душа уже не проходит в чистилище. Интересно, что это также подметил и известный петербургский психоисследователь и автор книг Анатолий Мартынов, указав, что сейчас очень многие души не могут пройти в чистилище. (Цифр он, правда, не называл.) С этого рубежа я и считаю душу засатанённой.

Одна из самых опасных идей Сатаны, поданная, как всегда, в красивой упаковке, — та, что неделикатно, некрасиво, неприлично и т.д. называть подлеца подлецом, паразита — паразитом, зло — злом, и так далее. И ссылаются при этом на евангельское «не судите, да не судимы будете». Я считаю, что здесь спутана констатация с осуждением. Согласен, граница между ними очень тонка и людям «обычным» лучше бы поберечься с суждениями. (Именно с суждениями, а не с осуждениями: это не опечатка.) Но с другой стороны, за эту якобы гуманность и

(псевдо)христианскую воздержность приходится серьёзно платить. Нежелание отличать чёрное от белого приводит к духовной слепоте, к потере ориентиров, к тому, что человек начинает принимать тьму за свет — ведь она так настаивает, что она и есть свет. Не зря указано Иисусом: «Смотри, свет, который в тебе, не есть ли тьма.» И между прочим, напор и давление — самый характерный и безошибочный признак зла. Чем сильнее на вас давят — пусть даже жалостью, — чем больше «не могут без Вас жить» — тем больше гарантий, что вы имеете дело с душой засатанённой; и надо скорее и бесповоротнее разрывать такую связь.

И такая несостоявшаяся любовь действительно превращается в мировую трагедию. Это подтверждается, в частности, и исследованиями современных психистов-экстрасенсов, всё более свидетельствующими о том, что человек в его мироздании занимает, возможно, главное место. И вот сотрясаются опоры мироздания — помощники Творца в очищении Земли. Ведь чувство любви так сильно потому, что силён сам человек, что за ним стоит огромная скрытая мощь. (На мой запрос Наверх в 2000 году ответили, что потенциальная мощность человека равна примерно одной водородной бомбе.) И вся эта мощь дрожит и трепещет от рушащейся любви. И в наше время и в нашем мире только 10 процентов людей, видящих счастье именно в

любви, могут в какой-то мере это устремление реализовать. И то нужно учесть, что счастливы они субъективно, в самооценке, и временно, а объективно это счастье непрочно хотя бы по причине просто смертности человека.

Отсюда понятно, что вечное и непреходящее счастье может быть только в Вечном и Непреходящем, — в Боге. И вечна и непреходяща любовь, повидимому, только в Нём: «Бог есть Любовь»…

И если продолжать о любви к ближнему, то скажу также, что, по-моему, любить этого ближнего надо не иначе как исходя из того, что и он — творение Божие. И любить его надо в той мере, в какой это Божье в нём проявляется, но не больше. Отдать же свою любовь такому ближнему, который не умеет её ценить и уважать — значит, нарушить все заповеди. Подчиняя свою жизнь прихотям и капризам другого, мы забываем о себе, о любви к себе, — а ведь Бог дорожит каждым и перед Ним равны все.

Подумаем ещё вот о чём. Эгоист мыслит: я так хочу. Альтруист мыслит: он так хочет, и пусть будет по-его. Это идеальное взаимодополнение, и стремление к максимальному альтруизму (например, в любви) вызывает к жизни максимального эгоиста. Потакайте всем капризам своего любимого чада — и увидите, что получится в результате.

Сатана здорово постарался, чтобы извратить Иисусову заповедь любви к ближнему. Для этого были пущены в ход все средства, вплоть до неточного перевода Евангелий. Так, например, заповедь о любви к врагам искажена потому, что в древнегреческом и арамейском языках, на которых писались Евангелия, слово «любовь» имело разные значения и выражалось тремя-четырьмя разными понятиями (филия, эрос, агапэ и др.), и такой неточный перевод, такое искажение смысла заповеди спутывает любовь с её свойствами, её проявлениями.

Или другое: «Полюби меня чёрненького (то есть со всеми моими недостатками), а беленького меня всякий полюбит» — тоже подсунуто Сатаной, в надежде, что внимающий этому начнёт любить всякую грязь — несовершенство, дисгармонию, ущербность в отношениях.

Вообще, истинная любовь — это любовь лишь взаимная, равная; но такая возможна только между духовно равными сторонами. Такая ситуация, кстати, исключает прелюбодеяние, измену — очень большой грех, потрясающий человека как опору мироздания (см. выше). С.Н.Лазарев, правда, даёт иное определение прелюбодеянию: у него это поставление любви человеческой выше любви к Богу. Но я буду здесь придерживаться понимания моего, не отрицающего и трактовки Лазарева: это просто разные грани вопроса. Так

вот, физические половые связи характерны только для земного типа цивилизации и для миров демонических. В чистых мирах физических отношений нет, там отношения любящих выражаются в особом объединении их тонких планов. На Земле у любящих возникает объединение аур и возникает структура типа восьмёрки или, точнее, знака бесконечности. А в контактах чисто сексуальных возникает связь типа вампирической — из чакры в чакру.[1]

Кстати, через современную «обнажёнку» (лицемерно именуемую «ню») и прямую порнуху и так называемую сексуально-просветительскую литературу (и через предлагаемые уроки полового просвещения в школах, в частности) идёт страшнейший вампиризм. Гинекологические болезни женщин и простатит и импотенция у мужчин напрямую связаны (через энергоинформационные процессы) с этим морем разврата. Противостоять ему надо отчетливым пониманием, что любовь — это не постель прежде всего, а душевно-психологическая и духовная близость с возлюбленным. Соединять жизни можно только в том случае, если хорошо и без постели.

«Неверный же в малом неверен и в большом» *(Лк 16:10).* Да, любовные треугольники нередко действительно выправляют ситуацию (Лазарев), но в нашем засатанённом мире это похоже на соревнование

---

[1] И вообще надо понить, что чакры являются системой сатанинской энергетики и напрямую связаны с демоническими мирами соответствующего уровня.

по бегу в мешке: выигрывает не тот, кто умеет быстро бегать, а тот, кто умеет быстро бегать <u>в мешке</u>: нечто вроде праведности «по техническим причинам».

Впрочем, весь вопрос в наполненности человека любовью к Богу (по Лазареву): если её достаточно, то Вы можете «атравматично» позволить себе чуть большее. Но вот как узнать, не превысил ли ты уровень наполненности?..

И ещё пару слов о так называемой измене. Верность — это свойство *<u>женского</u>* начала Мироздания. И поэтому женщине верность присуща по природе, это одно из основных свойств женщины как творения Божия. И нарушение женщиной верности — это нарушение ею самой своей природы, потеря себя как личности. Поэтому для женщины «свободное» поведение более опасно и разрушительно, чем для мужчины, и для неё формула «он меня соблазнил» — не оправдание. Кармен, например, вполне стОит дона Жуана: она сама дон Жуан в юбке. А в наше время и юбок меньше: брюки, выпивка, сигареты, «свободное» поведение, сквернословие — типичные признаки сатанинских дочек агрессивного толка.

Что же касается семьи, то если в ней нет гармонии и любви — такая семья не от Бога, и ясновидением это хорошо видно. Жить в такой

семье, жить не любя — преступление перед Богом.

Это же касается и случаев односторонней, «приворожённой» (якобы) любви. Чёрная магия приворота (или отворота) просто подавляет волю объекта, но лет через 5-10 чёрномагические структуры обычно усиливаются, и мужчины начинают пить, гулять, и т.д. — именно потому, что подавленная воля не может противостоять этим отрицательным программам (под)сознания.

Важно также знать, что 70%-но (и более) засатанённые люди автоматически приобретают чёрномагические способности — что и понятно. И тогда им, например, не нужно специально колдовать, наговаривать и т.д.: им достаточно лишь подумать о чём-либо отрицательном, как тут же на энергетику этой мысли цепляются их чёрные способности и, по резонансу взаимно усиливая друг друга, начинают очень активно действовать. Диапазон мощности средних служителей Сатаны примерно 80 километров, так что в случае чего бегите подальше.

А одинокими в этой жизни остаются, как правило, самые чистые и светлые люди, которые не имеют чёрной магии, чтобы насильно удержать возле себя другого чистого человека. Но если такие пары образуются, то для них очень важной является процедура церковного освящения брака, чтобы Высшим Светлм силам было легче их охранять.

И ещё один важный момент. Настоящая любовь возникает с самого начала именно чисто и спокойно — без напряжённых страстей (энергетики нижних чакр), характерных для сатанических отношений. Испорченному же пониманию современного обывателя такие отношения даже не кажутся любовью — настолько в них всё просто и легко.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Продолжение.

Вскоре пришел вызов. Пропуск в милиции Варе выдали без задержки: действовало звание Макса - Герой Советского Союза.

Небольшие осложнения возникли в Хабаровске. Молоденький лейтенант, проверявший пропуска, спросил:

- Почему ребенок не вписан в ваш паспорт?

- Он вписан в паспорт отца.

- У вас нет отметки о регистрации брака.

- Мы не зарегистрированы.

- А где свидетельство о рождении ребенка?

- Неужели метрику ребенка возить, когда в гости едешь?! Товарищ лейтенант! Все документы у меня проверили вдоль и поперек, когда пропуск выдавали, что же вы — Москве не доверяете?

- Порядок одинаков для всех граждан, не нарушайте его в следующий раз!

И, обходя Варю взглядом, поставил штамп на пропуске.

Хоть Макс был известен теперь всей стране как Герой Советского Союза, повышен в звании и должности, но ни праздничности, ни спокойствия в их доме не чувствовалось. У Нины появилась седая прядка в волосах, рановато.

- Папа тоже рано поседел; наверное, это у меня наследственное.

- Ничего, - сказала Варя, - тебе даже идет.

В разговорах Макс и Нина были сдержанны, и все же Варя поняла, что на Дальнем Востоке, несмотря на победные реляции, происходит то же самое, что и в Москве. В газетах та же злобная истерика, почти весь командный состав пересажали в тридцать седьмом году, а в этом году пересажали вновь назначенных.

Нина не хотела обсуждать эту тему, и Варя помалкивала - ни к чему обострять отношения, надо устроить Ваню. Однако Нина первой и не выдержала. Накануне Макс допоздна задержался на партийном собрании, пришел, когда Варя уже спала, и ушел, когда она еще не встала. За завтраком Нина пожаловалась:

- С этих собраний Максим приходит раздавленный. Вербуют в осведомители красноармейцев, заставляют доносить на командиров. Сделал замечание рядовому, а он бежит к особисту, несет какую-нибудь чепуху, а за эту чепуху - трибунал.

И вышла из-за стола и больше об этом не заговаривала. Жалко, конечно, ее, живет в страхе. А кто теперь живет не в страхе?

Рассказ о Лене Будягиной Макс и Нина выслушали молча. Но, оставшись с Варей наедине, Нина сказала:

- Получив твою телеграмму, я решила, что это ребенок твой и Саши, что вам обоим или тебе одной грозит опасность, тебя надо выручать. Мы с Максимом не исключали, что Саша снова арестован, могут прийти и за тобой, даже

подумывали, не придется ли тебя здесь выдавать замуж. Мы не колебались ни минуты: ты - моя сестра и ты знаешь, что Саша значит для Максима. Кстати, что с Сашей?

- Ездит из города в город, работает шофером, где устроится, - ответила Варя сдержанно. Нина убеждена, что у них с Сашей все в порядке. Пусть и дальше так думает, хотя и резало по сердцу каждый раз, когда та пускалась в рассуждения об их с Сашей жизни.

- Бедный Саша, - вздохнула Нина, - досталось ему; но с другой стороны, может, и посчастливилось. Если бы его забрали сейчас, — а сейчас его, безусловно бы, забрали: он слишком самостоятельный и принципиальный, — то расстреляли бы.

- Повидимому, это так.

- В общем, мы предполагали, что вы с Сашей решили оставить ребенка у нас. И повторяю, никаких колебаний не было; но сын Лены и Шарока, внук Будягина...

- Я думаю, Шарок к делу не относится, - заметила Варя.

- Это я так, к слову, - поправилась Нина, - но внук Будягина! Если узнают, то Максиму пришьют помощь врагам народа, навалят еще черт знает что, до меня докопаются, в общем, катастрофа.

- Ты боишься?

- Боюсь. Да. Всё как снег на голову. Надо привыкнуть к этой мысли, надо все обдумать.

Есть ли гарантия, что сюда не дойдет правда об этом мальчике?

- Исключено! Лена и под пыткой не признается, где он, понимает: если погибнете вы, то погибнет и Ваня. У нее версия - оставила сына на вокзале, теперь это делают сплошь и рядом.

- А Софья Александровна знает?

- Я ей сказала, что это сын моей подруги, у нее арестовали мужа, сама боится ареста, смылась из Москвы и попросила отвезти ребенка к ее родителям на Дальний Восток.

Именно так она и сказала Софье Александровне, хотя по глазам Софьи Александровны видела, что та ей не верит. До этого она ей во всех подробностях рассказывала о Лене Будягиной, даже советовалась, как поступить с Ваней. Тем не менее Софья Александровна сделала вид, что приняла эту версию. Надежный человек.

- Хорошо, - не слишком уверенно согласилась Нина. - Теперь второй вопрос. При мальчике никаких документов…

- Твои соседи знают, что к тебе приехала сестра с сыном. Все меня видели - я каждый день гуляю с Ваней. Здесь у вас каждый чих известен.

- Да уж, все наши мужики на тебя заглядываются.

- А в один прекрасный день я исчезну. Вы с Максом...

- Варенька, называй его Максимом. Макс - это со школы пошло. Звучит не по-русски. А тут

малейший иностранный звук воспринимается с подозрением.

- Ладно. Вы с Максимом разведете руками: ну и сестрица, бросила ребенка и укатила. Можешь наворотить на меня: беспутная, развратная, шляется где-то.

- Это уж чересчур, такие слова! - поморщилась Нина.

- Ничего, ваши полковые дамы будут руки потирать от удовольствия, еще от себя добавят: ходила тут финтифлюшка, вертихвостка, строила глазки, сразу видно, что за тварь. Бедная Нина Сергеевна, теперь ей с этим подкидышем мучиться…

- Фантазии у тебя, - улыбнулась Нина. Но улыбка получилась вымученная.

- Это не фантазии, а реальность. Будут обо мне языки чесать, а о "бедном подкидыше" забудут. Запишите его Костиным, — мол, даже не знаем имени и фамилии его отца, думаем, наша милая сестричка тоже не знает, от кого родила.

- Хватит упражняться на эту тему!

- Подбрасываю тебе аргументы. Ну а насчет воспитания советского человека, будущего защитника родины, я думаю, ты сама найдешь слова.

- Не иронизируй, - нахмурилась Нина, - ты уже выросла из этого возраста. И я, между прочим, подросла.

- Если вы сочтете все же, что Ваня осложнит положение Макса, — прости, Максима, — я увезу его обратно.

- И что будешь с ним делать?

- Буду воспитывать как мать-одиночка.

- Ладно, не пугай меня. Подождем. Обдумаем. Всё решит Максим.

На следующее утро Нина встала чуть свет, ждала, когда проснется Варя. Сразу начала разговор, с места в карьер:

- Не нравится мне твоя версия: "Бросила ребенка... Укатила... Не знаем, где теперь ее искать..." Несерьезно это.

Значит, обсудили ночью с Максимом Варины аргументы. Варя-то думала, Макс у Нинки по-прежнему под башмаком. Изменилась ситуация. Распоряжалась всем вроде бы Нина, но с оглядкой на Максима, и хотя он был немногословен и свое мнение высказывал деликатно, Нинка с его решениями тут же соглашалась.

- Может, сказать иначе: хотела здесь устроиться, но ничего не вышло, и вот объявила, что завербуется на север, поедет туда счастья искать. И тут уж мы сами настояли, чтобы оставила у нас Ваню. Двух лет нет мальчишке, что ему мучиться в бараках и общежитиях. А она… Устроит свою судьбу, выйдет замуж за приличного человека, тогда и заберет его к себе. Как ты думаешь?..

- Ради Бога, - засмеялась Варя, - хоть на север, хоть на юг! Правильно! Это действительно

будет звучать убедительней. - И не удержалась, поддела Нинку: - Скажи Максиму, что я эту идею одобряю.

Выслушав по приезде Вари историю мальчика, Максим больше разговоров ни о нем, ни о Лене Будягиной не затевал. Домой приходил поздно, новоиспеченный командир полка, рачительный, дотошный и требовательный. В свободные минуты беседовал с Варей ни о чем, о пустяках, играл с Ваней; мальчишка ему нравился, и мальчик встречал его радостно.

А однажды, в последних числах августа, сказал, что сумел договориться: Ваню с 1 сентября возьмут в ясли.

- Отслужит в яслях год, а как стукнет три, повысим в звании, переведем в детский сад, - добавил Максим добродушно.

На следующий день Варя уехала в Москву.

Приютить у себя внука врага народа - Максим хорошо сознавал рискованность такого шага. Но отослать мальчишку не мог. Лена - ближайшая подруга его жены, и он с ней дружил с детства, не раз и не два сиживал в их доме на Грановского, любил этот дом, и Ивана Григорьевича Будягина любил, и в то, что тот "враг народа", не верил, как не верил в то, что "враги народа" - его верные боевые товарищи. И Варе доверял: всё сделала правильно, вряд ли кто докопается. А если и докопаются, то он чем виноват: подсунули мальчишку…

Максим не любил врать, но если уж приходилось, делал это с той лукавой

крестьянской простотой, которая убеждала любого. Советуясь с комиссаром полка и секретарем партийной организации, развел руками:

- Давайте, братцы, думать. Родила девка безотцовщину, прискакала - буду выходить здесь замуж. Вышла бы, конечно: красивая, образованная, с невестами у нас дефицит, и с ребенком возьмут. Но я свою свояченицу знаю: останься она здесь — такое начнется, все бабы со своими мужьями передерутся. И из-за кого? Из-за родственницы командира полка. Пришлось ей отказать. Поищи, говорю, миленькая, себе муженька в другом месте. А она: ах, не хотите мне помочь ребенка воспитать — завербуюсь на Север! Тут уж моя жена не выдержала: езжай куда хочешь, говорит, но мальчишку зачем в полярную ночь тащить?! Он у тебя и так кожа да кости! Не пустим! Оставим у себя! Она отвечает: пожалуйста. И укатила. Когда теперь объявится и объявится ли вообще, неизвестно. Ну что ж, думаю, раз так уж случилось, воспитаем и без тебя сына полка. И нужная моральная обстановка в полку сохранится. Такое вот решение я намечаю. Ваше мнение, товарищи?

Товарищи с ним согласились. Высокая моральная обстановка в полку - самая важная задача на данном этапе, ибо моральная обстановка - неотделимая часть обстановки политической.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин[1]

Типология казней

Не только в античном мире существовало понятие "высокой" и "низкой" смертной казни. В средневековой России, например, смертная казнь (по Уложению 1649 года) подразделялась на обыкновенную (простую) и квалифицированную. К простой относились повешение, обезглавливание и утопление, к квалифицированной - сожжение, залитие расплавленного металла в горло, четвертование, колесование, посажение на кол, закапывание живьем в землю.

Огромное количество разновидностей казней, существовавшее в древности и в средние века, сейчас сузилось примерно до десятка. В современном мире наиболее распространены расстрел и повешение; намного реже встречаются казнь на электрическом стуле и смертельная инъекция; еще реже - отравление газом и обезглавливание. В некоторых мусульманских странах (Иран) существуют и

Продолжение.

экзотические виды казней - вроде забрасывания камнями или сбрасывания осужденных в пропасть.

Остановимся на типологии казней более подробно, пользуясь при описании технологии (если возможно применить здесь такое слово) исполнения смертных приговоров исследованиями организации Amnesty International, а при описании старинных казней - историческими сочинениями.

Повешение

Этот вид казни считался в прошлые времена (как, впрочем, и в XX веке) самым позорным (непонятно, правда, почему). Современная технология его такова: осужденного вешают на веревке, обвивающей шею; смерть наступает в результате давления веревки на тело под воздействием силы тяжести. Потеря сознания и смерть наступают в результате повреждения спинного мозга или (если этого недостаточно для наступления смерти) вследствие асфиксии от сдавливания трахеи.

Технология повешения, которой пользуется большинство стран, применяющих этот вид казни, была разработана в 1949-1953 гг. Королевской комиссией по смертной казни в Великобритании. Комиссия исходила из "гуманной" необходимости "наступления скорой и безболезненной смерти путем смещения

позвонков без отделения головы от тела". В соответствии с рекомендациями комиссии, после того как на шею осужденного надета петля, у него под ногами открывается люк. При этом длина веревки (и соответственно расстояние падения) подбираются с учетом роста и веса осужденного - чтобы добиться разрыва спинного мозга, но без отрыва головы.

На практике достичь этого не просто. Зачастую, при неверном расчете или неопытности палача, разрыва спинного мозга не происходит, и осужденный погибает от удушения.

Так погибали осужденные на повешение в прошлые века. Их путь к смерти был долгим и мучительным. Среди множества примеров можно назвать казнь пятерых декабристов в России в 1826 году. "Когда все было готово, - рассказывает очевидец, - с нажатием пружины в эшафоте помост, на котором они стояли на скамейках, упал, и в то же мгновение трое - Рылеев, Пестель и Каховский -- сорвались и упали вниз. У Рылеева колпак упал, и видна была окровавленная бровь и кровь за правым ухом -- вероятно, от ушиба. Он сидел скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Я к нему подошел, он сказал: "Какое несчастие!" Генерал-губернатор, видя с гласису, что трое упали, прислал адъютанта Башуцкого, чтобы взяли другие веревки и повесили их, что и было немедленно исполнено. Я был так занят Рылеевым, что не обратил внимания на

остальных оборвавшихся с виселицы и не слыхал, говорили ли они что-нибудь.

Когда доска была опять поднята, то веревка Пестеля была так длинна, что он носками доставал до помоста, что должно было продлить его мучение, и заметно было некоторое время, что он еще жив.»

Но и в наше время, когда технология повешения "отработана", подобные истории повторяются. Когда в 1944 г. в Японии повесили советского разведчика Рихарда Зорге, медицинский протокол, составленный тюремным врачом, зафиксировал такую подробность: после того, как осужденного сняли с виселицы, сердце его билось еще 8 минут.

А вот еще пример. 16 ноября 1981 г. в Кувейте повесили строительного рабочего из Таиланда, но умер он только через 9 минут после падения в люк, потому что, как было сказано в медицинском заключении, его вес был недостаточным, чтобы произошел перелом позвоночника. Смерть наступила от удушения.

Некоторые тираны прошлых времен не удовлетворялись простым повешением осужденного - им хотелось придумать «что-нибудь эдакое". Иван Грозный, например, распорядился повесить на одной перекладине дворянина по фамилии Овцын и... настоящую овцу!

Разновидность повешения - удушение веревкой (laqueus) - применялась еще в античные времена. Этот вид казни никогда не

совершался публично, а только в темнице. К такой смерти, по свидетельству Саллюстия, римский сенат приговорил участников заговора Катилины - Лентула и четырех других. "Есть в тюрьме, левее и несколько ниже входа, помещение, которое зовут Туллиевой темницей; оно уходит в землю примерно на двенадцать футов //три с половиной метра. -- *Ред.*// и отовсюду укреплено стенами, а сверху перекрыто каменным сводом; грязь, потемки и смрад составляют впечатление мерзкое и страшное. Туда-то и был опущен Лентул, и палачи, исполняя приказ, удавили его, накинув петлю на шею...»

Подобным же образом были казнены Цетег, Статилий, Габиний, Цепарий.

Довольно часто удушение веревкой применялось при императоре Тиберии, но уже во времена Нерона об этом виде казни говорится как о давно вышедшем из употребления (см., например: Тацит, "Анналы", 14, 18).

В средневековой России людей вешали на специально построенных на городских площадях виселицах в виде букв Т или Г, либо просто на деревьях вдоль дорог (это применялось к разбойникам). Иногда еще виселицы строились на плотах. Вешали на них участников бунтов, восстаний, а плоты с повешенными пускали вниз по большим рекам - для устрашения местного населения.

В Англии во времена Генриха VIII протестантский парламент принял закон, по

которому католиков вешали (в отличие от лютеран, которых сжигали заживо).

В разные периоды истории были повешены: правитель ацтеков Куаутемок, английский пират Кидд, брат Ленина Александр Ульянов.

В XX веке самая знаменитая казнь через повешение - это казнь нацистских преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе. Были повешены и семеро японских военных преступников, приговоренных к смерти Международным военным трибуналом в Токио. Среди известных людей, повешенных в последнее время, - бывший премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто.

О популярности повешения говорит тот факт, что он сохраняется как единственный (безальтернативный) вид казни в законодательстве таких стран, как Бирма, Ангилья, Антигуа и Барбуд, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Бермуды, Ботсвана, Бруней-Даруссалам, Великобритания, Виргинские острова, Гайана, Гамбия, Гонконг, Гренада, Доминика, Замбия, Западное Самоа, Зимбабве, Израиль, Ирландия, Каймановы острова, Кения, Кипр, Лесото, Маврикий, Малави, Малайзия, Монтсеррат, Намибия, Новая Зеландия, Папуа--Новая Гвинея, Свазиленд, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис, Сент-Люсия, Сингапур, Танзания, Терке и Кайкос, Тонга, Тринидад и Тобаго, Турция, Фиджи, Шри-Ланка, ЮАР, Ямайка, Япония. Это, конечно, не значит, что все перечисленные страны на

практике применяют повешение - многие из них хотя и сохраняют смертную казнь в законодательстве, фактически отказались от нее. Ну, а на практике лидерство по повешению держит Южно-Африканская Республика - здесь за период 1985 - первая половина 1988 гг. было повешено 537 человек.

Расстрел

С изобретением пороха и огнестрельного оружия этот вид казни стал употребляться с огромным размахом. Особенно часто он применялся в условиях военных действий в силу своей простоты и дешевизны. Расстрел производится одним исполнителем либо стрелковым подразделением. Смерть наступает от действия одного или нескольких факторов: повреждения жизненно важных органов (например, сердца), повреждения центральной нервной системы или от потери крови. Если расстрел производится стрелковым подразделением, немедленной потери сознания может и не произойти, поскольку стреляющие находятся на расстоянии от казнимого, что вызывает снижение точности стрельбы. К тому же им иногда приказывают целиться в корпус человека, так как вероятность попадания при этом выше, чем при стрельбе в голову. На эту проблему указала Королевская комиссия, которая, рассматривая различные способы казни

с целью их возможного применения в Великобритании, сочла казнь стрелковым подразделением неприемлемой, поскольку для нее необходимо "большое число лиц, приводящих смертные приговоры в исполнение", а также потому, что "этот вид казни не удовлетворяет даже первому требованию, предъявляемому к эффективному методу, то есть не гарантирует немедленного наступления смерти.

Практика полностью подтверждает выводы Королевской комиссии. Вот характерный случай: на Тайване во время одного из расстрелов в 1988 году стрелковое подразделение дало два залпа, затем прошел целый час, но тяжело раненный осужденный все еще дышал. А вот свидетельство о расстрелах в Московской ЧК в 1918-1920 гг.: "Иногда стрельба неудачна. С одного выстрела человек падает, но не умирает. Тогда в него выпускают ряд пуль; наступая на лежащего, бьют в упор в голову или грудь.

10-11 марта Р. Олеховскую, приговоренную к смерти за пустяковый поступок, который смешно карать даже тюрьмой, никак не могли убить. 7 пуль попало в нее, в голову и грудь. Тело трепетало. Тогда Кудрявцев (чрезвычайник из прапорщиков, очень усердствовавший, недавно ставший коммунистом) взял ее за горло, разорвал кофточку и стал крутить и мять шейные хрящи.»

И все же смертная казнь путем расстрела не теряет популярности во многих странах, а

наоборот, усиливает свои позиции. Так, например, если в России за 80 лет (с 1826 по 1906 гг.) было расстреляно по приговору суда 40 человек, то всего лишь за первые три с половиной года перестройки (1985-1988 гг.) в СССР было расстреляно более 2 тысяч человек. Для сравнения: за тот же период (1985-1988 гг.), по официальным сообщениям, в Алжире было расстреляно 12 человек, в Анголе - 15, в Бенине - 8, в Болгарии - 32, в Венгрии - 2, во Вьетнаме - 3, в Габоне - 1, в Гане - 37, в Гвинее - 2, в Гвинее-Бисау - 7, в Индонезии - 19, в Ираке и Иране - не меньше нескольких сотен (точные цифры неизвестны), в Китае - 500, на Кубе - 4, в Мавритании - 3, в Мозамбике - 4, в Румынии -2, в Сомали - 50, в Таиланде - 34, на Тайване (Республика Китай) - 17, в Чили - 2. в Югославии - 4 человека.

Среди исторических знаменитостей, казненных посредством расстрела: наследный французский принц герцог Энгиенский, император Мексики Максимилиан, немецкая шпионка Мата Хари, последний русский монарх Николай II, советские политические деятели Бухарин, Каменев, Зиновьев, шеф советских органов внутренних дел Лаврентий Берия, лидер итальянских фашистов Муссолини и многие другие.

(продолжение предполагается)

Андрей КУДИН

КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ

Предисловие редактора

«Как выжить в тюрьме», может знать только тот, кто долго там был. Упаси нас Господь от этой доли — осмелюсь я возразить общеизвестной поговорке.

Художественной ценности книга А. Кудина не представляет, и мы публикуем её только как зарисовку современных нравов на (или «в»?) Украине, а также потому, что сейчас конец лета и интересные авторы с их возможными статьями — в отпусках.

Со мной в тюрьме одно время сидела милейшая компашка, промышлявшая разбоем и воровством. Работали чисто, следов не оставляли. Всё шло хорошо, пока кому-то из них не привиделась утечка информации. Не мудрствуя лукаво, они начали тупо убивать друг друга, да так, что похоронный оркестр играл одну и ту же мелодию сутками, без перерыва. Никто не подумал над тем, что надо бы хоть как-то подстраховаться от вечно сующей нос не в свои дела милиции. В результате, оставшиеся в живых благополучно заехали на тюрьму, где и

помирились, словно этого нельзя было сделать, разгуливая на свободе.

Глядя на них, я в который раз сделал для себя вывод: людям для мирной жизни и тесной дружбы чаще всего не хватает общего врага. Если таковой имеется - всё джаз, если нет - мысли нехорошие появляются и начинается активное выискивание недостатков друг в друге.

Вообще-то всех подельничков, вне зависимости от конкретного уголовного дела, можно без труда условно разделить на две группы. Первая при слове "арест" со скоростью света перемещается на другой конец планеты, несмотря на то, что как раз они-то и должны тушить возникший пожар. Вторая группа, наоборот, вместо того, чтобы уехать подальше, выстраивается хоровой капеллой под зданием УВД, где проходит допрос, и орет что есть силы сквозь открытую форточку: "Вася, молчи!". (Непонятно, правда, чего орать. Если человек понимает - он и так будет держать язык за зубами, а если нет - ори не ори, он всё равно всех сдаст). Если их что-то и спасает от неминуемого ареста, так это замедленная мыслительная реакция мусоров.

Когда подельнички чересчур расшумятся, дознаватель раздраженно захлопнет окно и, недобро сверля глазами твой лоб, грозно спросит:

- Так кто ещё с вами орудовал в банде?..

Ты продолжаешь упорствовать, требуя встречи со следователем в присутствии адвоката. Кстати, по закону ты имеешь полное право не разговаривать с оперативниками, а тупо послать всю эту безмозглую свору на три весьма популярные буквы. И будешь абсолютно прав. В такой ситуации это единственное разумное решение. Запомни - ничего и ни при каких обстоятельствах не рассказывай мусорам. Даже какого цвета у тебя носки и рубашка. Потому что если не получается вырвать признание прямо, его стараются выудить при помощи косвенных вопросов. Все разговоры на отвлеченные темы (например, о пользе сыроедения и в какую церковь лучше всего ходить по воскресеньям) нужны исключительно для того, чтобы разговорить "объект" (то есть - тебя) и плавно подвести к интересующей гуманоидов теме.

Внезапно открывается дверь, и на пороге появляется следователь по особо важным делам, который, конечно же, впервые слышит о том, что в милиции бьют, не кормят и сутками не выводят в туалет. Он округляет глаза, пытаясь изобразить удивление, и восклицает:

- Да Вы что? У нас? Такое? Обязательно разберемся!

От такой наглости нижняя челюсть арестанта зависает в воздухе как минимум минут на пятнадцать. Придя в себя, "объект" попрежнему

настаивает на адвокате (причем на своем, а не на том, которого мусора пытаются навязать). Следователь хитро щурит глазки, вытаскивая пухлые тома из дипломата, и аккуратно разложив на столе бумажки, говорит:

- А мы Вас допросим как свидетеля. Согласно существующему законодательству, свидетеля я могу допрашивать и без присутствия адвоката, а за отказ давать показания мы можем и к уголовной ответственности привлечь. Хе-хе...

Ты чувствуешь, как над головой снова начинают сгущаться тучи. Не дрейфь. Пусть допрашивают. Не забывай, что без адвоката тебя имеют право допросить в качестве свидетеля только первый раз, а все последующие допросы должны проходить только в присутствии адвоката.

Назови им в течение трех-четырех часов установочные данные - как тебя зовут, где прописан, когда родился, --- собственно говоря, всё то, что они и так уже знают. Можешь что-то добавить по поводу твоего социального статуса и семейного положения (только не перестарайся!). Пусть запишут в протокол допроса выражение: "Требую адвоката с момента моего задержания". Всё. Больше из твоего рта не должно вылететь ни звука.

Говори о чем угодно, но только не о том, что может заинтересовать следствие, потому что интерес органов, ведущих дознание, приводит к длительному тюремному сроку и крупным финансовым убыткам. Имей в виду: если следователь доволен и побежал в гастроном покупать тебе пиво - значит, ты сморозил что-то не то. Если хмурится и психует - всё идет как надо. Чем дольше затянешь время - тем легче будет свести на нет первый допрос, оборвав его потому, что ты "устал", "болит голова", "хочешь спать" и "нуждаешься в медосмотре". Попросись в туалет и посиди в кабинке часа полтора. Конечно, это не самое лучшее место для отдыха, но всё же более приятное, чем в одной комнате с мусорами. Можешь пообещать, что, быть может, что-нибудь скажешь завтра. Как говорят: "Пацан сказал - пацан сделал. Не сделал - ещё раз сказал".

С одним из особо надоедливых следователей мы как-то угробили полдня, обсуждая, как лучше записать в протокол допроса фразу: "Вину полностью отрицаю".

- Ну хоть чуточку ты её признаешь? - риторически спрашивал следователь, подсовывая фотографию, где я сижу за одним столом с, по мнению следствия, отпетыми рецидивистами, большую часть жизни проездившими по тюрьмам и лагерям, а, по-моему, с законченными дегенератами, не читая

подписавшими всё, что им подсунули, испугавшись, как бы злые дяди милиционеры не начали зажимать их нежные пальчики дверцей письменного стола.

- Как ты их можешь не знать, если вы сидите за одним столом? Что ты с ними, - следователь брезгливо поморщился, - мог обсуждать?

Как объяснить этому идиоту, что я там оказался случайно?

- Кто Вам сказал, что я отрицаю факт знакомства?

- Вот-вот... - радостно заулыбались с той стороны стола, снимая колпачок с ручки.

- Я ничего не отрицаю, но я ничего и не признаю. По закону я имею право молчать и не обязан доказывать свою невиновность. Если будет необходимо - я готов всё объяснить и рассказать в зале суда в присутствии средств массовой информации.

- Ну смотри!..

Собеседник раздраженно прячет фотографию в нагрудный карман, где обычно носят фото любимой женщины, и грозно машет указательным пальцем:

- Хуже будет!!!

Куда ещё хуже? Они засадили меня так глубоко, как только могли. Глубже уже, кажется, не бывает. Я провожаю следователя взглядом, думая над тем, что любое доказательство есть отрицание, а любое отрицание есть доказательство.

До сих пор не пойму, какая может быть польза следствию от ничего не значащей фотографии двухлетней давности, найденной у одного из ранее судимых во время обыска. М-да... Лишь бы что-то. Раз вам так понравилась эта фотография - так повесьте её у себя над головой, а ещё лучше - опубликуйте на первых страницах газет, покажите по телевизору. Порадуйте страну собственным идиотизмом.

В целом, если сравнивать следователей прокуратуры с ментами из следственного управления МВД, то общение с прокурорскими более приятно - у них интеллекта побольше. Однако ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что по этой же причине они намного коварнее коллег из соседнего ведомства и постоянно готовят какую-то новую пакость. Никогда не стоит надеяться на то, что разговор с ними будет коротким. Скорее, наоборот - он затянется как минимум на неполные сутки. Тебя наверняка попытаются взять измором, тупо спрашивая об одном и том

же по многу раз. Могут не дать поспать несколько суток, чтобы подследственный стал плохо соображать и сдуру что-то таки да ляпнул. Что бы ни произошло - относись ко всему, если сможешь, спокойно. Помни, что лишнего не говорит только тот, кто вообще ничего не говорит.

Наблюдая за тем, как проходит допрос, нельзя не сказать несколько теплых слов о сотрудниках уголовного розыска. Я бы их условно разделил на три подгруппы. Первая - новички. Чувствуют себя крайне неуютно, постоянно крутят головой в разные стороны, присматриваются. Они ещё до конца не определились, будут ли работать в органах внутренних дел или поменяют работу. Большинство из них, посмотрев на милицию изнутри, уходят и редко когда признаются, что (пусть даже короткое время) работали в органах.

Вторая подгруппа - среднее звено. Натуральные шестерки, готовые в любой момент встать раком, лишь бы выслужиться перед начальством. Говоря армейским языком, уже не солдаты, но ещё не сержанты. Для них милиция - единственная возможность продемонстрировать собственную значимость и хоть как-то утвердиться в окружающем мире.

Третья подгруппа - так называемое начальство и их приспешники. Слегка постаревшее среднее звено, временами озабоченное думами о том, чем бы таким

прибыльным заняться после увольнения. Так, один из них, оставшись со мной наедине, вдруг ни с того ни с сего стал рассказывать, как ему тяжело живется, и попросился ко мне на работу. Другой чуть не расплакался:

- Ну признайся! Чего тебе стоит? Если бы ты только слышал, как меня из-за тебя на пятиминутках ругают! Я ночами не сплю - пью валерьянку. Ты парень молодой - вся жизнь впереди. Посидишь лет пятнадцать и выйдешь. А?..

Я чуть не упал с табурета от такой просьбы.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Две или три коротеньких записки, впоследствии полученные мною от Кут Хуми, имели отношение к одному случаю, который я должен сейчас описать и который в качестве экспериментального феномена представляется мне более совершенным, нежели любой другой из числа описанных мною выше. Между прочим, стоит отметить, что хотя обстоятельства этого случая излагались тогда в индийских газетах, веселая компания зубоскалов, наводнивших прессу своими глуповатыми комментариями по поводу феномена с брошью, так и не удосужилась обсудить "случай с подушкой".

Однажды мы вместе со своими гостями отправились на вершину соседнего холма, где решили устроить ланч. Накануне вечером у меня были основания полагать, что мой корреспондент, Кут Хуми, вступил со мною в особое общение, которое я, в целях данного

объяснения, назову субъективной коммуникацией. Я не стану вдаваться в подробности, поскольку обычного читателя совершенно ни к чему обременять впечатлениями такого рода. Утром, обсудив этот вопрос, я нашел на столе в зале записку от Кут Хуми, в которой он обещал дать мне на вершине холма нечто такое, что послужит знаком его (астрального) присутствия возле меня минувшей ночью.

Мы направились к цели нашей прогулки, расположились лагерем на вершине холма и уже занялись ланчем, когда мадам Блаватская сообщила, что Кут Хуми спрашивает, где именно мы хотели бы найти тот предмет, который он собирается мне послать. Следует учесть, что до этого момента не велось никаких разговоров относительно ожидаемого мною феномена. Мой рассказ, вероятно, вызовет обычные намеки на то, что мадам Блаватская специально "подвела" меня к тому выбору, который я совершил. Фактически же дело обстояло так: во время разговора совершенно на другую тему мадам насторожилась, услышав свой "оккультный голос", а затем сразу же сообщила мне, о чем был задан вопрос, и более не сделала по этому поводу ни одного замечания, которое могло повлиять на мой выбор. Не было никакой общей дискуссии по этому поводу, мой выбор был самостоятельным и совершенно спонтанным. Немного поразмыслив, я сказал: "Вон в той подушке", - указывая при этом на подушку, на

которую опиралась одна из леди, сидевших напротив меня. Едва я произнес эти слова, как моя супруга воскликнула: "О нет, лучше в моей!" - или что-то в этом роде. Мадам Блаватская своим способом спросила у Кут Хуми, подходит ли такой вариант, и получила положительный ответ. Таким образом, моя свобода в выборе места, где нам предстояло найти предмет, была абсолютной и не связанной никакими условиями. При данных обстоятельствах и с учетом наших предыдущих опытов было бы наиболее естественно, если бы я предложил поместить предмет на каком-нибудь дереве или в определенном месте под землей; но назвать внутренность зашитой подушки, тут же выбранной наугад, - эта мысль осенила меня, когда мой взгляд ненароком упал на подушку, которую я указал первой. Но если сам я при этом думал о любой подушке, то поправка к первоначальному предложению, внесенная моею супругой, оказалась реальным усовершенствованием, так как выбор в результате пал на ту конкретную подушку, с которой моя супруга ни на мгновение не расставалась все утро. Эта была обычная подушка из джампана; жена опиралась на нее все время пути от дома, продолжала сидеть точно так же, пока джампан поднимали на вершину холма, и не изменяла позы во время разговора. Сама подушка была прочно сшита вручную из камвольной ткани и бархата и принадлежала нам уже много лет. Когда мы

были дома, эта подушка постоянно находилась в гостиной, на видном месте, на одном из диванов; если моя жена отлучалась из дома, она брала подушку с собою в джампан, а возвращаясь, приносила ее обратно.

Когда мы договорились насчет подушки, моей супруге велели положить ее под плед, и жена сделала это в джампане своими собственными руками. Подушка пробыла под пледом примерно около минуты, когда мадам Блаватская сказала, что теперь мы можем ее разрезать. Я взрезал подушку перочинным ножом, причем на это потребовалось определенное время, потому что она была очень прочно прошита со всех сторон, и швы пришлось распарывать чуть ли не стежок за стежком. Когда чехол с одной стороны был полностью распорот, выяснилось, что перьевая начинка заключена в еще один, внутренний чехол, края которого были также прошиты со всех сторон. Между внутренней подушкой и наружным чехлом мы не нашли ничего и потому продолжали распарывать внутреннюю подушку; когда мы с этим справились, моя жена пошарила рукою в перьях.

Первым, что она обнаружила, оказалась маленькая треугольная записка, адресованная мне и написанная почерком моего оккультного корреспондента. В ней говорилось следующее:

"Мой "дорогой Брат"! Эта брошь, под № 2, помещена в сие необычное место, причем единственно для того, чтобы

продемонстрировать вам, что произвести настоящий феномен на редкость легко, а усомниться в его подлинности - еще легче. Расценивайте это, как вам угодно; можете даже отнести меня к разряду хитрецов-заговорщиков.

Я постараюсь устранить проблему, сопряженную с обменом письмами между нами, о которой вы говорили вчера ночью. Один из наших учеников в скором времени посетит Лахор и N. W. P.; вам будет послан адрес, которым вы можете пользоваться постоянно - если, конечно, не предпочтете поддерживать нашу переписку при помощи подушек! Пожалуйста, обратите внимание: местом отправления этой записки явилась не "тайная Ложа", а одна из долин Кашмира".

Пока я читал записку, моя жена продолжала ворошить перья и нашла в них упомянутую брошь. Это оказалась одна из наших собственных брошей, очень старая и прекрасно нам знакомая; если моя супруга не надевала эту вещицу, то оставляла ее на своем туалетном столике. Нельзя было ни придумать, ни представить себе лучшего подтверждения действия оккультной силы вроде каких-либо механических доказательств, которое явилось бы для нас, лично знающих все упомянутые обстоятельства, более неопровержимым и убедительным, чем этот случай. Общая убедительность и значение, которое имело для нас возвращение броши, зависели от моих

субъективных впечатлений, полученных прошлой ночью. Причина, по которой брошь была выбрана в качестве объекта передачи, возникла именно тогда, и не раньше. Гипотеза гласит - и это делает ее гипотезой идиотской во всех отношениях, - что над подушкой заранее потрудилась мадам Блаватская; однако в таком случае мадам должна была добраться до подушки уже после того, как я заговорил о своих впечатлениях тем утром, вскоре после завтрака; но в этот день мадам Блаватская с момента пробуждения практически не исчезала из нашего поля зрения - она сидела с моею супругой в гостиной, делая это, кстати, вопреки своему желанию, потому что в тот период она что-то писала и хотела было поработать в своей комнате, но в то утро ее голоса велели ей идти в гостиную и сидеть там с моей женой. Мадам так и сделала, ворча на то, что ее работу прервали, и будучи совершенно не в состоянии догадаться, почему ей велят так поступать. Впоследствии повод вполне прояснился: он был связан с предстоящим феноменом. Желательно было, чтобы у нас не зародилось никакой arriere pensee* насчет того, чем занималась мадам Блаватская в то утро - на случай, если эксперимент примет такой оборот, что это сможет повлиять на уверенность в его истинности. Конечно, если бы можно было предвидеть, что выбор падет именно на эту подушку, было бы незачем мучить нашу "старую Леди", как мы обычно называли мадам

Блаватскую. Хватило бы и того, чтобы пресловутая подушка все утро оставалась в гостиной под присмотром моей жены. Но мне предоставили полную свободу в выборе тайника для броши; а такой предмет, как подушка, не мог заранее прийти в голову никому, да и мне самому тоже.

Текст приведенной выше записки включал в себя множество мелких деталей, понятных для нас. Вся в целом она была косвенным образом связана с разговором, который произошел за нашим обеденным столом прошлым вечером. Тогда я как раз заговорил о маленьких характерных черточках, которые отличали длинные письма от Кут Хуми; невзирая на блестящее владение языком и совершенство стиля, в его посланиях проскальзывали один-два оборота, которые никогда бы не употребил англичанин. Например, это сказывалось в форме обращения к адресату, которое было окрашено восточным колоритам в тех двух письмах, которые я уже цитировал. "Но как же ему тогда следовало к вам обращаться?" - поинтересовался кто-то из собеседников, и я ответил: "В подобных обстоятельствах англичанин, вероятно, написал бы просто: "мой дорогой Брат"". Далее: упоминание долины Кашмира как места отправления письма, в противовес Ложе, также отсылало к тому же самому разговору; к нему же относилось и подчеркивание буквы "k": ведь мадам Блаватская тогда сказала, что Кут Хуми пишет

слово "скептицизм" через "k", но в его случае это не американизм, а просто филологический каприз*.

Происшествия этого дня не закончились даже с обретением броши. Вечером, когда мы пришли домой и я за обедом развернул салфетку, из нее выпала маленькая записка. Ее содержание носит слишком личный и конфиденциальный характер, чтобы воспроизвести его целиком, но часть записки я принужден процитировать из-за присутствующего в ней упоминания на оккультный modus operandi*. Должен пояснить, что перед тем, как отправиться на холм, я набросал несколько строк в благодарность за обещание, содержавшееся в вышеупомянутом послании. Свою записку я передал мадам Блаватской, чтобы она при случае передала ее адресату оккультным способом. Когда мадам Блаватскую и мою супругу несли в джампанах по аллее для гуляния, мадам держала эту записку в руке, поскольку удобный случай переправить ее представился лишь после того, как они преодолели половину пути. Затем послание все же удалось переправить - один оккультизм знает, каким образом. Это обстоятельство мы тоже обсуждали во время пикника; когда я открывал найденную в подушке записку, кто-то предположил, что в ней, вероятно, должен содержаться ответ на мое только что отправленное послание. Но, как станет ясно читателю уже сейчас, о моем письме в этой записке не упоминалось вообще.

В записке, полученной мною за обедом, говорилось следующее: "Еще несколько слов - на сей раз о том, почему вам пришлось испытать разочарование, не получив непосредственного ответа на ваше предыдущее послание. Ваше письмо было доставлено в мою комнату примерно через полминуты после того, как установились и в полную силу заработали токи, необходимые, чтобы переправить дак* в вашу подушку. А необходимости отвечать не было..."

Когда слышишь, как о "токах", используемых для достижения того, что в глазах всей европейской науки является чудом, говорят вот так запросто, это, по-видимому, на шаг приближает человека к пониманию реального положения дел.

Да, этот феномен являлся чудом для всей европейской науки - и в то же время неопровержимым фактом для нас, таким же неопровержимым, как и существование комнаты, в которой мы тогда находились. Мы знали, что явление, очевидцами которого мы стали, есть удивительная реальность; что сила мысли человека, находящегося где-то в Кашмире, подняла со стола в Симле материальный предмет и, разложив его на частицы при помощи некоего процесса, о постижении которого наука Запада не может пока даже мечтать, пронесла сквозь другую материю, а затем восстановила его в первоначальной целостности, так, что каждая из

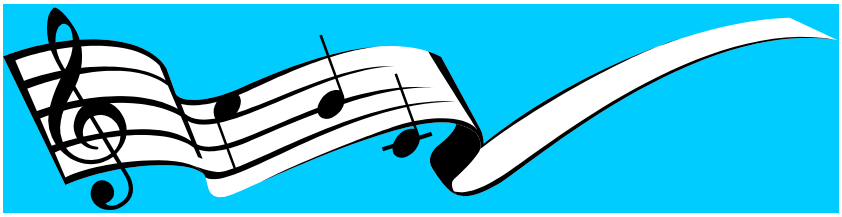
рассеявшихся частиц заняла свое прежнее место, и материальный объект был воссоздан в прежнем виде, вплоть до мельчайшей черточки и царапинки на его поверхности. (Кстати, когда мы извлекли предмет из подушки, то обнаружили на нем метку, которой раньше не было: инициалы нашего друга.) И мы знали, что записки, написанные на вполне материальной, осязаемой бумаге, в тот день носились от нас к нашему другу и обратно, курсируя со скоростью электричества, хотя между нами на сотни миль пролегали хребты Гималаев.

И мы так же знали, что умы людей, образующих научное сообщество Запада, окружены непроницаемой стеною, воздвигнутой из их собственных предрассудков и упрямства, ученого невежества и безукоризненной тупости, и что мы никогда не сумеем передать через эту стену свой опыт и факты, которыми мы владеем. Сейчас, рассказывая историю, которую я должен рассказать, я испытываю подавленность куда более сильную, чем может представить себе человек, никогда не бывавший в подобном положении; ведь я постоянно осознаю, что идеальная точность моих воспоминаний в самых мелких деталях и предельная правдивость в каждом слове едва ли может послужить для чего-то большего, нежели успокоение моей собственной совести, - ведь те ученые умы Запада, которым до этих пор из всех культурных людей особенно симпатизировал я сам, наиболее безнадежно

закрыты для моих свидетельств. "Даже если кто-либо восстанет из мертвых" и так далее. Это старая история, старая, во всяком случае, в той ее части, которая касается сокрушительного воздействия на общественное мнение, которое должны иметь свидетельские сообщения, подобные моим. Улыбка недоверия, которое мнит себя столь мудрым, будучи столь безрассудным, подозрения, которые льстят себе собственной изобретательностью, в действительности являясь плодом столь невероятной тупости, вспыхнут над страницами этой книги, уничтожая все ее значение для читателя, который так улыбнется.

Но я полагаю, что Кут Хуми прав не только когда заявляет, что мир пока не созрел для слишком потрясающего доказательства существования оккультной силы, но и когда он (как вскоре будет видно) проявляет к этой небольшой книжке дружеский интерес, расценивая ее как один из факторов, способных постепенно подточить основу догматизма и глупости, на которой так прочно укоренилась наука, мнящая себя столь либеральной.

(продолжение предполагается)



КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэйвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

*** * ***

Глава 14. Прорыв

(…)

Обычно в провинциальных филармониях, — как, впрочем, и в большинстве советских организаций, — числилась на работе масса ненужных людей. Это были либо откровенные бездельники, либо наоборот - чрезмерно

активные, но бесталанные, непрофессиональные или вышедшие в тираж по возрасту люди, как правило, старавшиеся занимать какие-нибудь посты в парткомах, профкомах, месткомах. Чтобы удержаться на работе, не обладая достаточными профессиональными качествами, они активничали на фронте дисциплины и идеологии, наводя страх на простых сотрудников. Партийный билет, не говоря уже о каком-либо отношении к Великой Отечественной войне, были гарантией неприкосновенности такого сотрудника. Уволить партийного ветерана, абсолютно бесполезного для организации, было тогда делом немыслимым. Более того, вообще уволить обычного сотрудника, если он не являлся злостным прогульщиком, алкоголиком или уголовником, совершившим преступление, было практически невозможно. Его охраняли социалистические законы.

В советские времена зачисление человека в штат, то есть на основное место работы, носило серьезный характер. В организацию сдавалось все, что было - трудовая книжка, профсоюзный билет, комсомольский и партийный билет, а также много чего еще, о чем уже и не вспомнишь. По месту работы обязательно оформлялась прописка, постоянная или временная. Этот вопрос сделался с самого начала болезненным как для нас, так и для администрации Калининградской области. Для того, чтобы

получить постоянную прописку где-либо, надо сначала получить жилплощадь в этом городе, после чего выписаться с прежнего места жительства и прописаться на новом. Никто из москвичей этого делать, естественно, не хотел. Тогда оставалась другая возможность - прописаться временно в Калининграде, не теряя московской прописки. Но ведь прописываться, хоть и временно, надо где-то, по какому-то адресу. И здесь появлялся риск, состоявший в том, что, прописавшись по реально существующему адресу, — скажем, в общежитии, — музыканты-немосквичи могут заявить свои законные права на жилплощадь в Калининграде. А предоставлять чужим дефицитную жилпощадь, которую годами ждали в очереди свои, калининградский исполком не хотел. Тогда придумали прописать нас по адресу самой филармонии, не являющейся жилплощадью, то есть безо всякого риска. Но чтобы проделать это, нам пришлось как бы[1] временно выписаться с прежних мест проживания, москвичам - из своих квартир, приезжим студентам - из московских общежитий. При этом, согласно законам, в паспорте ставился штамп с надписью "Временно выписан", что принесло в дальнейшем массу неприятностей многим из нас.

(…)

---

[1] **Что значит «как бы»? Была сделана соответствующая запись или нет? Если была, то почему «как бы»? (— *Ред*.)**

И вот теперь настал мой черед стать чистым профессионалом. Гораздо позднее, побывав в США, я понял, что мое понимание профессионализма не выдерживает критики даже на родине джаза. Выяснилось, что только исполнительством джаза прожить на Западе практически невозможно, даже если ты имеешь достаточную известность. Джазмен должен подрабатывать в самых разных областях, чтобы прокормить себя. Чаще всего это преподавательская работа разного типа и уровня, студийная работа, разнообразные "халтуры", к джазу отношения не имеющие, и т.д.

(…)

Как это ни странно, про город Калининград тогда мало кто знал в Советском Союзе. Наши знакомые москвичи долгое время считали, что мы работаем в подмосковном Калининграде (ныне - город Королев), маленьком полузакрытом городке с каким-то засекреченным производством. В провинциальных городах, особенно где-нибудь на Урале или в Сибири, куда мы приезжали на гастроли, нас спрашивали, где находится этот самый Калининград. Я думаю, что замалчивание всего, что было связано с Калининградской областью, имело под собой какие-то серьезные

основания. Во-первых, это была бывшая прусская территория со своей бывшей столицей - Кенигсбергом. После войны оттуда были выселены все, кто хоть как-то напоминал о прошлой истории. Затем вся область была искусственно заселена людьми «со всех концов необъятной страны». Советская власть грубо и наивно стала делать вид, что это исконно российская территория. Все города, городки, хутора и поселки были переименованы из немецких в русскоязычные, да еще с военно-патриотическим оттенком. Исторический город Тильзит стал Советском. Курортный городок Раушен - Светлогорском. Появились Гвардейск, Балтийск и масса подобных наименований. С другой стороны, оказалось, что Литва издавна считает эти земли своими, что литовцы и пруссаки (до завоевания их немецким орденом) — это почти одно и то же. Когда позднее нам надо было сделать себе рекламную афишу, я заказал ее проект моему приятелю, архитектору-графику Виктору Зенкову. Когда эскизы афиши были представлены на рассмотрение в Управление культуры Калининградского облисполкома, то один из них не просто забраковали, а, скорее, сняли с обсуждения, чтобы высшее партийное начальство не увидело. Оказалось, что буквы, которыми были сделаны надписи, слегка напоминали по начертанию древний немецкий готический шрифт, а это было в данной области табу. Всё это казалось нелепым, так как сам город

Калининград с его типично немецкой, мрачноватой кирпичной архитектурой, с брусчатой мостовой многих улиц, с остатками костелов, никак не напоминал Россию. Более того, все чугунные крышки, закрывающие канализационные люки, остались от довоенных времен, сохранившись как новенькие вместе с хорошо различимыми надписями на немецком языке. Население Калининградской области и самого города, сформировавшееся лишь за послевоенные годы и состоящее в основном из военных, моряков и работников рыболовецких предприятий, заметно отличалось от жителей мест со сложившимися веками традициями, устоями, культурой. В чем было это отличие, конкретно сказать трудно. Но мы почувствовали его. Я как типичный москвич ощущаю себя неуютно в любом другом городе, даже исконно русском, Начав регулярно ездить по гастролям еще с "ВИО-66", я совершенно ясно понял эту огромную разницу между московской жизнью и провинциальной. И дело здесь было не только в снабжении колбасой и товарами, не в концентрации театров, музеев, творческих домов, не в наличии Кремля и Мавзолея Ленина. Провинциальный уклад жизни, ее темп, а главное, немосковский говор - вот что казалось чужим. Не те ударения в словах, не то произношение гласных, и даже другая интонация голоса. Эта привычка к московскому говору и образу мысли для меня всегда была главным фактором, который привязывал к тому

месту, где родился и вырос. В нем и было ощущение Родины. Особенно остро я понял это, впервые очутившись за границей один, «без никого», когда по-русски не с кем словом перемолвиться. Через две недели страшно захотелось домой, привычно поболтать, не подыскивая слов и не строя предложений. Что касается Калининграда, то здесь, естественно, не оказалось своего говора. Зато мы сразу ощутили прагматический дух местного населения. И выразилось это в особом пафосе местного "толчка", который по размаху, набору товаров и пафосу можно было сравнить только с одесским. Мы застали времена, когда Советская власть еще не перешла в решительное наступление на этот вид частной торговли с рук. Калининградский "толчок" был сперва в черте города, и лишь позднее его перевели километров за девяносто, с глаз долой. Моряки военных и рыболовецких судов привозили "из-за бугра" на этот рынок самые дешевые, вышедшие из моды, некондиционные, а самое главное совершенно одинаковые товары - джинсы, дубленки, кожаные куртки, люстры. Их жены, матери, сестры и дочери стояли под дождем, в грязи или в снегу, держа все это в руках под целлофаном. Когда я попал туда в первый раз, впечатление было ошеломляющим. Ничего подобного в Москве быть на могло. Толкучка придавала городу оттенок чего-то заграничного, это был как бы "Запад для бедных".

В этот исторический в прошлом город, где в начале 19-го века был заключен Тильзитский мир между Россией и Францией, мы и приехали сразу после оформления нас на работу. Мы еще не были экипированы аппаратурой, одеты были кто во что горазд, на сцене держаться не умели и выглядели диковато, внутренне еще не покинув подполья. Город произвел на нас удручающее впечатление прежде всего большим количеством домов, так и не восстановленных после бомбежки 1945 года. Стоило свернуть с главной улицы, как ты мог попасть в целые кварталы остатков стен с пустыми окнами. Такое мы видели лишь в фильмах о войне, которые здесь, скорее всего, и снимались. Поразили и размеры города: он был как на ладони, маленький и компактный. Нас поселили в гостинице, на маленькой центральной площади, вокруг которой сгруппировались основные учреждения. В центре площади стоял небольшой Ленин, а напротив гостиницы, за Лениным, находился Дом Офицеров, место нашего выступления. Когда мы начали наш концерт и я увидел публику, набившуюся в зале, мне стало не по себе. Мы привыкли к хипповой аудитории, давая подпольные концерты в Москве или в Таллине. В массе она производила довольно отпугивающее впечатление, но особой агрессии в ней не было. Здесь же мы столкнулись с дикой, агрессивной молодежью, которую даже в хипповых кругах называли словом "урла". Когда мы начали играть свою

энергетически мощную программу, они просто заревели. В течение концерта в зале был такой шум и крики, что играть было почти невозможно. Такая реакция, несмотря на ее дикость, может быть как-то объяснена повышенным уровнем удовольствия, получаемого слушателями. Но ближе к завершению концерта начало происходить нечто несуразное. Ажиотаж в зале достиг такого уровня, что количество (согласно гегелевской диалектике) перешло в качество, — правда, в обратное (в противовес той же логике). Молодые люди из первых рядов, во время исполнения нами наиболее эффектных завершающих композиций, стали кидать стулья на сцену. Так как сцена была совсем небольшой, то стулья падали не на авансцену, а летели прямо в нас, так что несколько раз исполнителям, стоявшим впереди, пришлось уворачиваться, чтобы не быть покалеченным. Я почувствовал что-то нездоровое во всем этом и моментально прекратил концерт. У всех нас было какое-то смешанное чувство. С одной стороны, была гордость от того, что мы способны так завести публику. С другой, все понимали, что это не тот завод, что в этом есть какая-то патология, а главное, что такую публику ни мы, ни наша музыка не волнует. Было ясно, что такая реакция - это следствие тупиковой жизни молодежи в крохотном полувоенном городке, на пятачке, с неосознанной ненавистью ко всему окружающему обществу. Столкновение с нашей мощной музыкой раскрыло все

подсознательные инстинкты, вызвав к жизни всего лишь агрессивность.

Странное и неприятное поведение местной молодежи на этом не закончилось. Когда мы через некоторое время вышли из Дома Офицеров, чтобы перейти площадь и попасть в гостиницу, оказалось, что наша публика не разошлась, а, запрудив всю площадь, поджидала нас. Мы, держа в руках свои инструменты, стали потихоньку продираться сквозь эту толпу, попутно раздавая автографы. И вновь возникла какая-то агрессия, когда некоторые молодые люди стали требовать расписаться на майках, на джинсах, на голом животе. Мы, держась вместе, уже дошли до статуи Ленина, как произошло неожиданное. Особо рьяные поклонники начали отрывать куски рубашки у Мехрдада Бади. Он запаниковал и, резко вырвавшись из толпы, быстро побежал прочь. После этого я окончательно почувствовал неприязнь к этой толпе. Мы активно и жестко растолкали любителей автографов и скрылись в гостинице. Но и на этом беспорядки не закончились. Толпа и не думала расходиться. Она продолжала стоять перед гостиницей и выкрикивать какие-то лозунги, при этом иногда скандируя "Арсенал! Арсенал!" Мы выглядывали из окон, но так, чтобы нас не заметили. Молодежи в этом городе было некуда деваться, и она не расходилась до тех пор, пока не появились наряды милиции. Мне стало просто жутко, поскольку я прекрасно

понимал, что самым страшным для советской власти является то, при помощи чего она когда-то захватила эту власть - демонстрации, забастовки, стачки. Достаточно было вспомнить безжалостный расстрел демонстрации в Новочеркасске 2-го июня 1962 года, о котором все узнали по слухам вопреки полной засекреченности этого события. То, что происходило у нас под окнами, спокойно могло быть истолковано как антисоветская демонстрация. Дело в том, что любое сборище людей, не санкционированное партийными органами, расценивалось как антисоветское. Так оно и произошло.

Когда мы вернулись в Калининград, по поведению Макарова и других представителей администрации филармонии я понял, что от нас что-то скрывают. Потом Макаров вызвал меня в кабинет и спросил, что произошло в Советске. Я рассказал все, как было. Тогда он в свою очередь рассказал мне, что в тот же вечер из партийных и прочих органов власти города Советска позвонили в соответствующие органы Калининграда и представили все происходившее именно так, как я и предполагал. Макаров был очень расстроен и встревожен, поскольку здесь была затронута и его репутация как инициатора приглашения нас на работу. Я не знаю, почему нас тогда не разогнали. Могу только предположить, что здесь сработал тот самый бюрократический фактор, согласно которому наше увольнение было бы фиксацией

ошибочного решения, принятого администрацией города при приеме нас на работу, а за это кто-нибудь должен был ответить. Так как никто не хотел наказаний, решили это дело пока замять, дав шанс ансамблю проявить себя с лучших сторон. Для меня это происшествие послужило уроком, хотя он на практике мне не пригодился. Больше мы не сталкивались с подобной аудиторией и с такими продолжениями концертов.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

40

Прошло еще несколько дней, если верить ходикам с кукушкой, а Данилова не тревожили. Будто издевались над ним. Или Данилов оказался в хвосте очереди, а у особ, вызвавших его повесткой, не было острых причин гнать очередь галопом. Ездить на лифте из слоя в слой Данилову надоело, зовы прошлого были им удовлетворены, знакомых встречалось мало, да и с теми
беседы приходилось вести уклончивые и осторожные.

Часами Данилов лежал на гостиничной кровати, смотрел неизвестно куда и ни о чем не думал. Обещание, горячее и решительное, сейчас же и непременно обсудить смысл собственного существования и понять, стоит ли отстаивать это существование, Данилов так и не исполнил. Оправдывал безделье мысли соображением, что в своих раздумьях и разборах он наверняка будет к себе жесток и, возможно, несправедлив, расстроится, отчается,

ослабнет вконец — и тогда его возьмут голыми руками. "Нет, — сказал себе Данилов, — пока погодим..."

Порой он вспоминал то или иное видение в Колодце Ожидания и пытался его истолковать. Однако уверенности в правильном понимании видений у него не было. Попрежнему вызывал недоумение забытый или намеренно оставленный фартук сапожника... Иногда приходил Данилову на ум разговор с Кармадоном. Были в том разговоре сказаны Кармадоном слова, каким теперь Данилову хотелось возразить. "Что же там не возражал?" — спрашивал себя Данилов. А впрочем, зачем возражать-то? Кармадон разговаривал с условным собеседником, равным пустоте. Он же, Данилов, в утверждении своих мыслей потребности тогда не имел. Конечно, был соблазн поспорить о тех же
встрясках и первоосновах, но они с Кармадоном все равно не поняли бы друг друга, случилась бы путаница в терминологии. Данилов в Девяти Слоях и так не раз ловил себя на том, что употреблял слова в их земном значении. Хорошо, хоть собеседники этого не замечали. Впереди был главный разговор, там следовало быть чрезвычайно внимательным, чтобы не навредить себе или что-либо не так понять. И хорошо, что в беседе с Кармадоном он больше молчал. Как бы он стал спорить о тех же нравственных ценностях, какие Кармадон не может передать детям? Ценности это были бы

для Данилова? Естественно, нет. "У них свое, у меня свое", — полагал Данилов... При всем том, что между ними случилось, Данилову порой было жалко Кармадона (однажды он даже сказал про себя: "по-человечески жалко", так увлекся). Он закрывал глаза, видел Кармадона безвольным и горестным и сострадал ему. Теперь хоть стал известен Данилову смысл пребывания Кармадона на Земле синим быком (шкуру большого животного он хотел примерить на себя!). Загадкой же было то, почему прежде Кармадон обожал ликер "Северное сияние" и блюда железнодорожных буфетов, а теперь о них не вспомнил.

В Седьмой Слой Удовольствий Данилов больше не ездил. Хотя наверняка там закончилось санитарное время. Не заявлялся пока Данилов и в Пятый Ученый Слой. Он и прежде посещал этот слой редко. Трудно было ему поддерживать умные разговоры с образованными демонами. Себя Данилов считал существом недалеким, неспособным воспринять учение мудрости. Не видел он в них и особого смысла. Хотя по любознательности интересовался всякими научными новостями. Сейчас от нечего делать он был не прочь заехать и в Пятый Слой. Знакомых — и по лицею, и по былым развлечениям — у него служило там немало. Давно не встречался Данилов и с однокашником — Новым Маргаритом, братцем Кармадона. Еще в Останкине Кармадон сообщил Данилову, что

Новый Маргарит сделал смелую карьеру, попал в козыри, — правда, при этом облысел. Теперь Данилов узнал, как отнесся Новый Маргарит к дуэли брата и его конфузу. Вряд ли сейчас он стал бы воротить нос от него, Данилова. Впрочем, кто знает... Зачем ему Новый Маргарит, Данилов объяснить себе толком не сумел. Или не захотел. То есть он понимал, что на встречу с Новым Маргаритом толкает его помимо естественного интереса и некая корысть...

Так или иначе, однажды, испросив у интендантов куртку из свиной кожи и техасские штаны, Данилов сел в лифт и приехал в Пятый Слой. Там дули ветры и сверкали молнии. В этих молниях Данилов не стал бы купаться, даже если теперь купание было бы ему приятно. Шли опыты, и молнии сверкали экспериментальные.

На зеленом лугу Данилов увидел крестьянскую девушку в деревянных чеботах, тоненькую, чернобровую, но с холодными, будто стеклянными глазами. Девушка подбежала к ручью, стала бросать в воду, как понял Данилов, кусочки мелко порубленного яйца, сваренного вкрутую. При этом она приговаривала: "Тети-хилоти, вас семьдесят семь, нате плату вам всем".

Данилов ушам и глазам не поверил. Будто шли средние (по людским понятиям) века. Тогда лихорадок было семьдесят семь, и чтобы избавиться от болезни, следовало бросить в реку семьдесят семь зерен проса, или ячменя,

или какого другого злака, или же разрубленное на семьдесят семь частей яйцо. По всей вероятности, сейчас Лаборатория Лихорадки ставила опыт противодействия просу и яйцу. Сотрудник лаборатории, воплотившийся отчего-то не в больного, как того требовали обстоятельства, а в весеннюю лихорадку (зимняя должна была бы выглядеть жадной трясущейся старухой), и швырял в воду кусочки яйца. Стоило пожалеть лабораторию: способов лечения лихорадки издавна существовало множество. Больной мог есть кал собачий и мышиный, пить кровь скота. Или, что приятнее, употреблять настойку навоза на водке. Больной мог найти осину с расщелиной, пролезть через нее три раза, оставив в расщелине хворь. Мог носить при себе нитку с двенадцатью узлами. Мог сказаться отсутствующим, заколотить дверь дома и повесить на ней табличку: "Его нет, уехал". Родственники могли положить больного на телегу и мчать ее на бешеной скорости по канавам, рвам, камням, колдобинам и тем самым вытрясти лихорадку. Они же могли с колами в руках гнать больного в поле или в лес, а когда страдалец упал бы обессиленный, вбить кол поострее рядом, пригвоздив болезнь к земле или хотя бы испугав ее.

Словом, средств хватало, и все они были верные. Естественно, специалисты по лихорадке и прежде не сидели сложа руки, привыкали к колам и гремящим телегам и находили кое-что посильнее тех колов. Но это

было давно. Еще в пору юности Данилова все их старания и находки были названы устаревшими и ненаучными. Что же теперь они снова вступили в сражение с вареным яйцом?

Данилов не стал дожидаться окончания опыта, да и ждать бы, наверное, пришлось долго. Он побрел дальше. Встречу с Новым Маргаритом он желал теперь оттянуть, заробел. "Неужели я его буду просить о чем-либо?" — терзал себя Данилов. И он бродил по Пятому Слою, заглядывал в разные его закоулки.

Пятый Слой открывался ему то природными полигонами — лесом, черным ущельем, каменистым дном океана (чудища плавали над головой Данилова), то корпусами и ангарами (правда, без стен и без крыш) с металлической (или какой там) арматурой, переплетениями труб, изломанными прозрачными сферами, исполинскими колбами и сосудами, то коридорами или тоннелями, уходящими неизвестно куда. Там и тут виднелись таблички с названиями учреждений.

Данилов замедлил шаг. По коридорам и тоннелям катились какие-то вагонетки, плавали то ли дирижабли, то ли аэростаты, шастали и летали ученые демоны, спешили по своим заботам. Иногда кое-кто кивал Данилову на ходу, попадались среди кивающих и знакомые, но разговоров не возникало. Пора была трудовая.

Некоторые названия пылали огненными буквами. "Лаборатория Отсушки", "Оранжерея летающих тарелок", "Институт оптимальных

способов расчесывания зеленых волос русалок" ("А еще, что ли, у них есть какие волосы?" — задумался Данилов), "Академия Дурного Глаза", "Склад искусственных интеллектов", "Зал тонких умствований", "Институт вывернутого чулка", "Склад исторических личностей". В этих названиях для Данилова не было ничего неожиданного. Одно его остановило: "Комиссия по использованию утопших музыкантов". То, что утонувшие музыканты используются, Данилов знал всегда, но вот комиссия была для него новостью. Он сразу же захотел
ее посетить. Но как бы он туда зашел? Что бы сказал? Принес, мол, новые сведения по интересующему комиссию вопросу? Но что ее интересует? Именно это Данилов и хотел бы узнать... Он постоял, постоял у двери комиссии, потоптался и пошел дальше.

Мимо него проходил работник, показавшийся Данилову знакомым (они обменялись кивками), и уронил несколько горшков с рассадой. Данилов поднял эти горшки и, ни слова не говоря, понес их, предложив тем самым знакомому помощь. Тот от нее не отказался. "Куда он приведет меня?" — гадал Данилов. Оказалось, что в Оранжерею летающих тарелок, называемых также на Земле неопознанными летающими объектами. В теплом воздухе под стеклянными сводами они росли на зеленых стеблях и стволах. Малые и большие. И действительно, как кухонные тарелки. И

размером посерьезнее, с покойный лайнер "Куин Мэри". В ангаре за Оранжереей валялись средства доставки тарелок на Землю. Многие в Девяти Слоях к тарелкам относились критически, считали их баловством. Они и были баловством. Но отчего же и не баловаться?

Тарелки особой радости Данилову не доставили. Ну растут, ну и что? Знакомый деловито объяснил Данилову, что недавно устроено шестнадцать новых теплиц, там средние тарелки будут воспитываться в течение семнадцати дней. А раньше им и двадцати двух дней не хватало. "А качество не пострадает?" — спросил на всякий случай Данилов. "Не должно быть", — ответил работник Оранжереи. Правда, не слишком уверенно. Потом он добавил сердито: "Эх, кабы натуральный навоз шел на подкормку, а не эти порошки!" Насчет навоза Данилов выразил полное согласие. С плодами местных теплиц Данилов встречался на Земле. Летали они красиво, таинственно и бесшумно, вызывая у людей противоречивые чувства.

Сразу за зимним садом Данилов углядел вывеску "Отдел Бермудского Треугольника". Для Данилова загадкой была судьба самолета "Стар Тайгер", сгинувшего в сорок восьмом году (об остальных случаях Данилов понятие имел). Он подергал ручку двери отдела. Но без толку. Возможно, в отделе никого не было. Возможно, сотрудники находились нынче на объекте.

Запахло пирогами. Данилов оживился, пошел на запах и понял, что приближается к Академии

домашнего хозяйства. В силу житейской необходимости сам Данилов был кулинар, полотер и посудомойка, и в помещения академии он шел с любопытством. Сотрудники академии, хотя их исследования и открытия не совершали переворотов, а могли лишь привести к мелким порчам и потравам, трудились увлеченно. Видно, любили свое дело. Кто писал, кто ставил опыты. Иные стояли у кухонных плит и печей — голландских, русских, занзибарских, газовых, электрических, глиняных, у примусов и керосинок, иные брызгали жидкостью на паркетные и мозаичные полы, иные поджигали обои, иные старались проглотить пылесосом валансьенские кружева, иные, накидав на ковры снега, выбивали из них пыль ружейными шомполами. Работы всюду шли серьезные. Ученые личности составляли для людей мнимые рецепты. На вид рецепты должны были быть как бы подлинными, но один или два компонента их по давней традиции (и фараоны кушали пшеничные лепешки, испеченные по тем рецептам) полагалось вводить ложные. Данилову попался сейчас на глаза составитель рецепта для варки клёцок. Как этот мученик страдал над газовой плитой! Гремел кастрюлей, эмалированной, пятилитровой, чадил, бранился. Клецки из манной крупы получались у него все ровные, круглые и вкусные. Стало быть, брак. Ему надо было сварить клецки, которые бы разбегались. Он и Данилова, стоявшего рядом, в

усердиях не замечал. Наконец сообразил: следует меньше класть муки. В пляс пустился от радости. В кастрюле у него плавало теперь нечто безобразное, лохматое. Он тут же, оттолкнув Данилова, бросился записывать рецепт. Ложные рецепты отправлялись на Землю и с помощью известных усилий пристраивались потом в серьезные кулинарные книги, в энциклопедии домашних хозяек, на страницы журналов для семейного чтения. На столах сотрудников Данилов видел и филадельфийские издания, и оффенбургскую "Бурду", и женский еженедельник из Уагадуга, и тихую "Работницу" (Данилов всегда перелистывал ее у Муравлевых). Теперь предстояло быть сплавленному на Землю совету насчет манных клецок. Вот не повезет какому-нибудь журналу, посчитал Данилов, полетят туда потом гневные письма, восстанут хозяйки, в чьих кастрюлях разбегутся клецки! "Ну Клавдия-то, предположим, не будет варить такие клецки", — отчего-то подумал Данилов.

Завернув за угол, он опять наткнулся на Лабораторию отсушки. "Заблудился, что ли? — удивился Данилов. — Или тут другая отсушка?" Впрочем, это не имело значения. И тут Данилов погулял. В лаборатории разрабатывали способы отсушки от любви. (Наверное, где-нибудь по коридорам существовала и Лаборатория присушки). Эта же лаборатория была солидная. Работников в ней сидело много. Они учитывали национальные и племенные

традиции, степени силы предполагаемой отсушки. Когда-то отворотное зелье изготовляли в виде порошков, неприятных на вкус, горьких или кислых, на манер тех, какие сбывал лекарь Бомелий. Теперь зелья были сладкие, тянучие, походили на жевательную резинку. Данилов скушал один голубенький шарик, сказал: "Ничего..."

Наверное, он и впрямь сделал круг (или виток? или спираль?) и вернулся в места, им уже пройденные. Опять представлял себя огненными словами Институт оптимальных способов расчесывания зеленых волос русалок. "Что же они обозвали-то себя так манерно?" — подумал Данилов. В прихожей института сидел вахтер (при усах, ноги в шерсти, табачный кашель-горлодер); Данилова он пустил с неохотой, требовал письменного допуска, но Данилов сказал железным шепотом: "Я от Тертия, с мыслями", и вахтер скис. Вскоре Данилов понял, что действительно были основания посадить в прихожей института строгого привратника. Многие помещения института имели просто номера, видимо секретные, а то и обманные. Порой же попадались таблички, заставлявшие думать, что название института не вполне соответствует широте интересующих его проблем.

Скажем, очень заинтересовал Данилова отдел сексопатологии русалок. В нем были подотделы рейнских, миссурийских, волжско-камских, дунайских и прочих русалок. И были

подотделы русалок из мелких водоемов. Данилов даже заволновался: а вдруг среди прикомандированных к институту русалок он встретит знакомых, — хорошеньких, разумеется. Однако сразу осадил себя: нашел из-за чего волноваться!

Потом он увидел объявление: "Научная группа проблем щекотания". Тут было над чем работать. При нынешних темпах любви, при нынешних вкусах нелегко было русалкам находить паузы для щекотания. А если не защекотать клиента, то как превратить его в утопленника? А сами способы щекотания? Нынче многие, сильные когда-то, приемы стали убогими: в лучшем случае они доводят до слез, но не до желаемого конца...

Данилов заглянул в лаборатории научной группы. Всё здесь было как у земных физиков (впрочем, Данилов физиков никогда не посещал). Какие-то пульты, тумблеры и кнопки, стенды, горящие цифры приборов, гул машинный и треск. И что-то лилось и журчало. На ампирной кушетке, будто из салона мадам Рекамье, сидели четыре русалки (в эластичных костюмах типа "Садко", хвосты — в поролоновых чехлах на "молниях", волосы лишь у одной зеленые, у других — крашеные: рыжие, фиолетовые, серебряные; зонтики в лапах); они, увидев Данилова, потянулись к нему. "Эка! — испугался Данилов. — Еще защекочут!" Прежде бы он и согласился на опыт, но тут посчитал благоразумным сбежать.

И опять, еще в русалочьем институте, увидел напоминание об утопших музыкантах. И тут им отдали целую лабораторию. Логика в этом была. Утопшие музыканты издавна играли в оркестрах при водяных и русалках. Данилов, оглядевшись, понял, что нынче в лаборатории главным образом озабочены репертуаром оркестров. Всюду стояли магнитофоны на кленовых листьях, громоздились стеллажи с кассетами. Звучала музыка. Своей музыки здесь, видимо, не могли создать, пользовались земными достижениями. Данилов услышал ансамбли "Лед Цеппелин", "Эмерсон и Клайд", "Эльдорадо", "Пинк Флойд" и прочие, услышал он колыбельную Моцарта и незабвенную "Стою на полустаночке". Наверное, эту музыку заказывали русалки. А их следовало ублажать. Они работали нынче в отравленных водах. Как еще сохраняли свои зеленые волосы, какие требовалось расчесывать… А может быть, им и нечего было сохранять? Может быть, те четыре приятельницы на ампирной кушетке сидели в париках?

"Хватит русалок! — подумал Данилов. — Надо идти к Новому Маргариту". Тут же увидел еще одну табличку: "Отдел жизнеобеспечения русалок в условиях экологической войны". "Вот оно что", — отметил про себя Данилов.

До Нового Маргарита было еще шагать и шагать. Тут всё теснились учреждения отраслевые, а Новый Маргарит блистал в

фундаментальных исследованиях. Дорога к нему шла сквозь теоретиков.

Пока же Данилову на глаза попалась Мастерская монструмов. Рядом стоял и Колледж монструмов. Одно время в этот колледж был недобор, теперь дела, видно, поправились. Опять гудели аудитории, да и на лавочках возле колледжа хватало монструмов. Монструмы изготовлялись теперь чаще всего металлические и пластмассовые, некоторые в виде роботов или инопланетян, и лишь малое число монструмов выпускалось в старых формах вроде заросших шерстью циклопов, семиглавых змиев или горных духов с лукавыми глазами. Да что изготовлялись! Многие из натуральных демонов рвались теперь в монструмы, готовы были преобразоваться хоть в кого, до того монструмы пользовались успехом. Особый конкурс — с толкотней и протекцией — был при отборе "инопланетян".

Данилов прошмыгнул мимо монструмов, поспешил пройти и мимо Лабораторий Землетрясений, Солнечных Пятен, Начинки Шельфов, Футбольных Волнений, Потерянных Сумок, Ложных Угрызений Совести, Банковских Крахов, Селекции Гриппа, Путаницы на спиралях Млечного Пути, Поломок Осей, Вращения Звезд Большой Медведицы, Ссор из-за Премий, Порчи Уравнения Клайперона—Менделеева... да мог ли Данилов запомнить названия всех лабораторий! Главное, там занимались делами, а он шлялся.

Наконец начались озера, потом пошли бастионы, подвесные мосты, и серым замком явился Данилову Институт фундаментальных знаний. Тут привратники оказались серьезнее русалочьего охранника, и ни шепот о Тертии, ни слова о Новом Маргарите Данилову не помогли. Данилов рассердился, выругал стражей, обогнул прясло стены, поплевал на ладони и, пачкая техасские штаны, перелез через крепостную стену.

В институте Данилов бывал однажды и помнил, где что находится. От знакомых, не выразивших при его явлении ни радости, ни удивления, он узнал, что Новый Маргарит задерживается, но скоро будет. Ученые тут были значительные, все больше бакалавры и магистры.

Сидеть в какой-либо приемной Данилов не смог, отправился гулять по институту. Где побеседовал с лицейским однокашником — ныне, естественно, магистром, — где послушал громкие споры ученых мужей. Теоретики занимались тут не только глобальными, меж- и внегалактическими проблемами, но и вопросами частными, какие, на взгляд Данилова, могли быть решены в покинутых им лабораториях. Вот, например, целая группа корпела над созданием теории Недопущения Нейтрино. Было известно, что на Земле в штате Южная Дакота доктор Дэвис восемь лет в заброшенной шахте пытается поймать в бак с перхлорэтиленом (жутко герметизированный, защищенный от всех

излучений) нейтрино от Солнца, чтобы узнать, что там у Солнца в недрах. И никак не поймает. Теперь в горах Кабардино-Балкарии устраивают ловушку для того же нейтрино, пробивают тоннель возле Эльбруса и скоро пробьют. Значит, надо уберечь нейтрино от ловушек и запудрить земным умникам мозги. Впрочем, в Девяти Слоях и сами никогда не ловили никаких нейтрино, очень сомневались в том, что они есть и для чего-нибудь нужны. Но теперь, имея в виду бак в Южной Дакоте и тоннель возле Эльбруса, на всякий случай решили создать теоретическую модель Недопущения Нейтрино в Ловушки. И работа шла.

Та же группа куда удачливее, как понял Данилов, вела исследования под кодовыми названиями "Медная пуговица" и "Французская булка". Когда-то во многих местностях лешего, проявившего себя вредным, отогнать можно было лишь выстрелив в него медной пуговицей. С веками, понятно, в институте нашли кое-что и против пуговицы. Правда, лешие мало кого теперь беспокоили. Однако возникла необходимость обезопасить от людей работников более современного склада, нежели лешие (коли им приходилось охотничать на Земле). Что же касается "Французской булки", то и она была выведена из давних времен. Иногда деятельность работников Девяти Слоев нуждалась в рекламе среди населения. Но реклама требовала подтверждения. Скажем, летал какой-нибудь крестьянин опять же на

лешем. В город. Но кто ему поверит? А крестьянин достанет из кармана французскую булку: нате, глядите, булка. И все сомнения сняты. Теперь же можно прокатиться и не на лешем, и не в город, но для того, чтобы доказать что-либо публике, опять же необходимо предъявить ей в своем роде французскую булку. И тут теория на месте стоять не могла.

У других проблемы были глобальные. При тех проблемах и лысели. Данилов, посетив места творчества больших ученых, услышал много новых для
Девяти Слоев выражений и словечек. Иные из них давно уже были на слуху на Земле и через популярные издания доходили и до Данилова. В одном ученом споре то и дело выкрикивали: "Гиперпространство! Гиперпутешествие!" Именно гиперпутешествие совершил Данилов, когда он открыл дверь в доме шестьдесят семь по Первой Мещанской и оказался в Девяти Слоях. Раньше говорили проще — "перенесся". Звучали и другие слова: "Субъединица", "Сцинтилляция", "Затравочная волна", "Коррелятивная память", "Изолированная система" и тому подобные. Смысл нескольких терминов Данилов все-таки попытался уяснить и был приятно удивлен, узнав, что та же самая демонстрация французской булки называлась нынче эффектом контиллюзионистской коммуникации в заданных параметрах. Тоже неплохо. В институте были внимательны к достижениям иных умов. Всюду Данилов видел

множество земных, научных и популяризаторских изданий, среди прочих отметил свежий номер "Знание — сила".

Данилов выяснил, что нынче обострился интерес к проблеме происхождения самих Девяти Слоев. Тут никогда не было ясности. А теперь вынырнуло много гипотез. Правда, почти все новые гипотезы не слишком далеко ушли от старых. Но были и рискованные, ставившие под сомнение избранность обитателей Девяти Слоев и их превосходство, скажем, над землянами. В частности, гипотеза "Вывернутого чулка" ("И Институт "Вывернутого чулка", — вспомнил Данилов, — есть где-то на отшибе..."). Будто бы система, похожая на солнечную, в своем развитии дошла до точки и по всем необходимым законам вывернулась в свою полную противоположность. ("В черную дыру и наизнанку!") Вот и получились Девять Слоев. А маятник развития несется теперь в другую сторону. В этой гипотезе виделась некая обреченность, и ее признали порочной. Явились упрямцы, какие утверждали, что жители Девяти Слоев произошли от пришельцев. И их гипотезу назвали порочной. Однако она была в моде у думающей публики. А так существовало несколько крепких и оптимистических гипотез. Но было и в тех гипотезах, узнал Данилов, одно тонкое место. Откуда при Девяти Слоях — Большой Синий Бык? Зачем он? (То есть так прямо вопрос не ставился из боязни рассердить Большого Быка: вдруг сомнения дойдут до него,

ведь действительно неизвестно, зачем он и что будет без него.) В годы юности Данилова о Большом Быке молчали, признавая его явлением само собой разумеющимся, а теперь заговорили. На самом деле, даже и при здешнем знании, происхождение Большого Быка было загадочным. Сам ли он встал под Девять Слоев или его поставили? Несет ли он в себе некую основу и причину Девяти Слоев или это просто животное? Прародитель ли он Девяти Слоев или так, неизвестно что? Всегда (да и теперь в серьезных работах) обходили проблему Большого Быка, но ведь все знали, что он держит на себе Девять Слоев, что он стоит, что он живой и моргает. Конечно, может быть, избранными, вроде бы жрецами, хранилась тайна Большого Быка. А может быть, и нет. Словом, теперь загадка Быка многих волновала. "Вот и Кармадон попробовал быть на Земле синим быком, — подумал Данилов, — ради важных для себя наблюдений и ощущений..."

Потом он стоял в большом холле и, раскрыв рот, внимал спору ученых демонов о трансформации зла. Неприлично было слушать чужой разговор, но ученые чуть ли не кричали друг на друга, не делая из беседы никакой тайны. Напротив, они явно были заинтересованы в публике. "Да вам своими темами, — шумел ученый, размахивавший желтой кожаной папкой, — тешить выживших из ума ветеранов на сборищах у Броккеновой горы! Вы всё еще бредите кинжалами, ядами, чумой.

Но костры-то давно отгорели на площадях!.." Его оппонент тоже сердился, однако поглядывал на спорщика несколько свысока, как на модника и пустобреха. "Ну да, ну да, — говорил он, — а вы-то что же? Вы-то далеко ли уехали?"

Тут и появился Новый Маргарит. Был он при свите, и виделось сразу, что это светило. Спор стих, все смотрели на Нового Маргарита, кланялись ему. И он быстро кивал всем. Проходя мимо Данилова, он и его заметил, но так заметил, будто Данилов наконец-то договорился с его секретарем об аудиенции и теперь ждал в приемной.

— Зайдешь ко мне через полчаса. Я вызову, — бросил Новый Маргарит Данилову на ходу и удалился.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, или Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории": "Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

27

Утром его удивили. В доме всюду шли разговоры о привидении. Легостаева — и та видела Фруктова. Угрюмо молчали Радлугины. "Какой Фруктов? Откуда Фруктов?" А Сергей Андреевич Подмолотов, Крейсер Грозный, радовался: "А! Что я говорил! При нашем-то потенциале и геополитическом положении в каждом подъезде по Фруктову! Наш уже и при

Продолжение. Начало в № 16.

японских очках. А явится еще раз - получит рогатку!" По словам Крейсера Грозного, успешно развивались его деловые отношения с Такеути Накаямой, и не исключено, что вскоре обрадует народы назревающий японо-останкинский концерн по производству экологически чистого средства бытовой обороны - тех самых рязанско-михайловских рогаток. Дударев посмеивался над предприятием Крейсера Грозного, но, впрочем, деликатным образом. Он подчеркивал, что Сергей Андреевич хоть и начал торговать в Медведкове мороженым с лотка и из картонной коробки, надеясь сколотить там первоначальные накопления для концерна, попрежнему участвует в Их Деле. Имеются письменные заверения. Согласны перевести его из ночных сторожей в консультанты по работе с привидениями. Или же - если учесть прежнюю должность Сергея Андреевича в Департаменте Шмелей - в инженеры по технике безопасности привидений. Из новых бесед с Крейсером Грозным и Дударевым (тот приезжал к Землескребу уже в вишневой "девятке" и обещал положить Игорю Константиновичу пятнадцать тысяч в месяц) Шеврикука понял, что Крейсер Грозный покровские привидения Дудареву не предоставил, в знакомство с ними не ввел и даже тень Фруктова, давнего своего кореша, будто бы от Дударева укрывает. Глаза у Сергея Андреевича были ужасно хитрые, а держал он себя так, словно теперь от него все зависело.

Дударев не то чтобы лебезил перед Крейсером Грозным, нет, он был над ним, наверху, но иногда все же вел себя искательно. И даже предлагал отвезти Грозного на вишневой "девятке" к месту торговли мороженым. "Вот ты дурачишься, ищешь свою выгоду, темнишь и тянешь, - раздражался Дударев, - а мы возьмем и без тебя решим все проблемы с привидениями! Кто такой Митенька Мельников - тебе известно. А мы потихоньку воссоздадим лабораторию. То есть вовсе и не потихоньку. Да, вовсе не потихоньку. Найдем и другие ходы. А ты останешься в дураках при своих знакомствах!" "Не знаю, не знаю, - говорил Крейсер Грозный, - какие такие другие ходы. А только ты нервничаешь". "И японец не твой, а наш, - настаивал Дударев. - Возьмем и отдадим ему привидение Александрин, если уж оно так ему любезно". "Я ему эту Александрин выдал, - отвечал Крейсер Грозный. - Под расписку. Только он теперь, может быть, увлекся другими привидениями. В особенности той, что спустилась с неба. А она уж точно не ваше привидение. Она моих флотских корешей, Петра и Дмитрия, привидение. И дом не ваш, а их". "Все ты, Грозный, врешь! - возмущался Дударев. - А твоих флотских скоро расселят. Дождешься. Но Фруктова-то тебе отчего жалко? Что ты жадничаешь? Ты хоть Фруктова нам открой!" "Я ему говорил. Он не желает иметь с вами дел, - разъяснил Крейсер Грозный. - Ему рогатка сейчас нужна, и более ничего". "Ну вы

послушайте этого стервеца, Игорь Константинович, - обращался Дударев к Шеврикуке как к несомненному союзнику и единомышленнику, - собственное дело завести хочет. Не отколешься! У нас есть твои заявления. Или сотрем в порошок!" "А посмотрим, - хитро улыбался Крейсер Грозный. - Да и куда вы без меня денетесь!"

Стало быть, на Гликерию с Дуняшей или на какую-нибудь Увеку Увечную, сообразил Шеврикука, известные ему личности пока не вышли. Но ведь могли пуститься в схожее предприятие и личности неизвестные. Потом выясним, пообещал себе Шеврикука. А сейчас и безотлагательно надо было разобраться с тенью Фруктова. Слухи о ней ходили уже самые невероятные. Ее видели якобы во всех подъездах Землескреба. А Радлугины о ней молчали. В донесениях добропорядочного гражданина не было даже и намека ни о тени Фруктова, ни о легкомысленных слухах о ней. Шеврикука полагал, что тень у него под надзором, замерла и никуда не ходит. Но вдруг?! Вдруг эта тень приняла и долю свойств его, Шеврикуки, и только прикидывается послушной и замершей, а сама в пору его отлучек и невниманий куда-нибудь и шастает? Может, и впрямь ходит к Крейсеру Грозному и выклянчивает рогатку. Всё, постановил Шеврикука, дело начато, а теперь следует тень вместе с очками, халатом и шлепанцами развеять. До поры до времени.

И развеял. Но вышло так, что не надолго.

Он заставлял себя не думать ни о Гликерии с Дуняшей, ни о большом переполохе. А не мог. И не мог - из гордости! - отправиться снова в Дом Привидений и Призраков. Оставалось одно: преобразить себя во Фруктова или повести на лыжную базу следопытом-информатором управляемую тень погубленного чиновника. Был в нетерпении. Готовился к экспедиции. Но нежданное событие остановило его.

Случился погром музыкальной школы.

Громили школу ночью. В те летние дни школа почти пустовала. А в злосчастную ночь в ней не было ни людей, ни домовых. Пришедших утром на службу работников школы увиденное ошеломило. И тогда среди прочих горестных восклицаний прозвучало: "Нет, тут что-то нечеловеческое!" Произнесшей это преподавательнице струнного отдела сейчас же возразили: "Человеческое! Теперь это именно человеческое!" "Но кому и зачем понадобился погром?" - гадали работники школы. Не подросткам же с Кашенкина луга. Для них, конечно, не было ничего святого, но им куда интереснее, чем громить фортепьяно и скрипки, было нынче врастать в бизнес. Не имела школа завистливых и зловредных соперников. Кому теперь в культуре, где одни нищие и нагие, завидовать? И из-за чего соперничать? Погромщики и не обогатились, ничего не унесли,

а лишь раскрошили. Именно раскрошили! Всё, к чему они прикасались - деревянное, металлическое, костяное, пластмассовое, стеклянное, бумажное, - было превращено в мелкие стружки, опилки или даже песок.

Призванные милиционеры смотрели на бывшие музыкальные инструменты, столы, стулья, ноты, унитазы и трубы туалета, то есть теперь - на опилки и песок, и недоумевали: что за сила учинила побоище и из-за чего? Похоже, не только ответы, но и какие-либо догадки не приходили им в головы. Варвары не оставили улик и отпечатков пальцев, не валялись на полу окурки, граненые стаканы, гильзы и пули, нигде не пахло дорогими сигаретами и капитанским табаком. Лишь на одной из стен был обнаружен странный рисунок, как будто бы изображавший снежную лавину, и рядом выцарапанные буквы "М. Д.". Может быть, это был фирменный знак обнаглевших негодяев? Более никакими подарками следствие не располагало.

"Отродья! Отродья Башни! - шепотом пошло между останкинскими домовыми, озабоченными или перепуганными. - Началось!" Сразу же было установлено: громили исключительно в тех помещениях, где бывали домовые. В вестибюле, в классах второго этажа, в учительской, в концертном зале и в туалете. То есть там, где происходили и ночные общения, и заседания клуба, и творческие отчеты домовых, и судилища, и деловые посиделки, и встречи по

интересам, и кутежи. К тому же пропал домовой Тродескантов, все еще остававшийся по расписанию ночным распорядителем музыкальной школы. После изысканий и разборов пришли к заключению, что стеснительный, но честный Тродескантов был уничтожен или взят в полон именно Отродьями Башни.

До Шеврикуки донеслось: созываются экстренные деловые посиделки. Впрочем, какие уж тут посиделки! Слово требовалось подобрать более уместное. Происходить будут в подвале. В каком - неизвестно. А может, и уже происходят. Шеврикуку не призвали. "Ладно, - сказал себе Шеврикука. - Не призвали — и не призвали". Терпеть он не мог, проник в музыкальную школу, все разглядел и прочувствовал. Стены остались, а полы второго этажа попортили и стекла раскрошили. Рисунок на стене, размером с пачку сигарет, признанный милиционерами подозрительным, Шеврикука рассмотрел.

Действительно, лавина будто бы неслась с горы. Или - с Башни? И некие запятые и крючочки опадали там и тут. Может быть, это опадали неведомые нам нотные знаки? "Музыкой поставлен предел объяснению мира..." Так. Снежная лавина, песчаная лавина. Лавина опилок и стружек. Белый Шум. "Белый Шум - это серьезно..." А М. Д., надо полагать, - Магнитный Домен? В случае с исчезновением Петра Арсеньевича и газовым пожаром на

Кондратюка, несомненно, действовала иная сила. Теперь Шеврикука пожалел, что прохладно отнесся к подробностям разгрома лаборатории Мити Мельникова. Просто принял к сведению новость и сетования Дударева, а никаких прилежных исследований не затеял. Но там как будто бы курочили, а не крошили. И там - уворовывали. Хотя, конечно, лаборатория, из которой, между прочим, происходили Оранжерейный змей-анаконда и отчасти эксперт по катавасиям Пэрст-Капсула, - не дом для музыкального просвещения детишек и не ночной приют домовых. Наверняка чем-то овладеть из нее Башне было целесообразно. Если не всем. И исполнителей туда могли послать иных.

Ничего ни у кого из домовых Шеврикука не выспрашивал и уж тем более не обращался ни к кому из устроителей экстренных подвальных посиделок. Напротив, к нему стали подбираться, притекать всякие личности, знакомые и неизвестные. И такие ничтожные, как Колюня-Убогий с Ягупкиным, и уважаемые в Останкине Артем Лукич, Велизарий Аркадьевич, старик Иван Борисович… — эти уж непременно заседали в подвале. Шеврикука молчал. Его молчание лишь усиливало интерес и старания навязчивых собеседников. Раз молчит - значит, знает. А годами ходило мнение, что Шеврикука разведывал о многом расторопнее других. "Ничего я не знаю. И знать мне ничего не положено, - угрюмо говорил Шеврикука. - Что в

моих подъездах - я знаю. И более ничего". "Ну напрасно вы на нас обижаетесь, - вежливо укорял Шеврикуку Велизарий Аркадьевич, по его мнению, целиком состоящий из высокой духовности. - Мы не при чем. Вас еще призовут. Перед вами извинятся". ("А ведь Велизарий-то долго соседствовал и дружил с Петром Арсеньевичем! - сообразил Шеврикука. - Как я запамятовал об этом!") "Неужели вы, Шеврикука, не знаете о том, что..." - начинал старик Иван Борисович. "Ни о чем я не знаю", - стоял на своем Шеврикука.

А из вопросов и гаданий собеседников он выяснил вот что. Иные считали, что уже началось, вот-вот всех поднимут, напрягут и поставят под кочергу. Иные придерживались мнения, что погром - разведка боем, что Отродья Башни были намерены лишь припугнуть домовых, а в решительный поход пойти на них не отважатся. Тихо и намеками говорили о будто бы предъявленном Отродьями ультиматуме. Кому предъявленном? Неизвестно кому. Кому-то. Можно лишь предполагать, кому. И якобы в этом ультиматуме Отродья требовали передать им некое достояние домовых, приобретенное и накопленное ими чуть ли не в столетиях. Иначе, мол, достояние будет отобрано силой и техническими средствами, а домовые опустятся на колени и станут мелкими услужниками Отродий. Что это за достояние такое, какие такие добро, или клады, или сокровища возжелали

Отродья, домовые словно бы и не знали. Многие, возможно, и впрямь не знали. Но кто-то ведь знал. Ведь тот же Велизарий Аркадьевич наверняка знал. Хоть кое-что. Но помалкивал. "Двадцать старцев, не скованных и не связанных..." - вспомнилось Шеврикуке. - "...Стережет змей огненный, а под змеем ключ семипудовый... На море на Окияне есть бел-горюч камень Алатырь. Под тем камнем сокрыта сила могучая, а силе нет конца... Двадцать старцев..." Чушь какая! Годится разве что для фольклорных сборников или антологий старинных диковин.

Неспокойно было в те дни в Останкине. Но новые нападения не происходили, домовых пока не поднимали, не напрягали и не ставили под кочергу.

А не связана ли атака Башни со всполошением в Доме Привидений и Призраков, подумалось Шеврикуке. Не повлияло ли всполошение на помыслы и действия Отродий? Опять Шеврикука пожелал возобновить тень Фруктова и отвести ее на лыжную базу. Шеврикука собрался было отправиться в жилище бакалейщика Куропятова, но тут в квартире пенсионеров Уткиных начались преобразования. И стены ее пропали, и будто бы исчез Землескреб, а Шеврикука оказался внутри сполохов северного сияния. Электрические разряды происходили в нем, сыпались искры, и нечто трещало. А потом Шеврикуку втянуло в лавину, снежную или

песчаную, летящую из высей, закрутило и поволокло в пропасть. Он ослеп и оглох, не воспринимал никакие внешние шумы, но в нем существовал пронзительный, противный, разрывающий все звук, и он оставался единственным ощущением жизни. Звук завершился визгом бензопилы, утих, стены квартире Уткиных возвратили, Землескреб стоял в Останкине. Возле Шеврикуки состоялось движение некоей пластины, будто бы стальной или платиновой. Пластина двигалась то рывками, то перетекая с места на место, словно подчиняясь правилам компьютерной графики. Над пластиной угадывалась голова посетителя. Она была плоская и резкая, как лезвие. Но, может быть, голова эта примерещилась Шеврикуке.

- В вас, Шеврикука, возникла потребность, - прозвучало металлическое. - Пребывайте в готовности.

Пластина вошла в стену, пропала, а в месте ее исчезновения на обоях остался рисунок, виденный Шеврикукой в музыкальной школе. Подчиняясь возникшему чувству, Шеврикука тут же отправился на кухню, горячей водой намочил тряпку и попробовал рисунок стереть. Обои были моющиеся, и рисунок исчез. "Конечно, будем пребывать - чуть ли не с отвагой (или с вызовом?) пообещал кому-то Шеврикука. - Конечно, будем всегда в готовности!"

Он задумался. Сообщить ли о явлении Белого Шума Пэрсту-Капсуле? Одно дело -

лакированная карточка с золотым тиснением, адресованная товарищу Дудареву О. С., другое дело - физическое присутствие Белого Шума в Землескребе (физическое ли? метафизическое? или еще какое?). Кто бы ни был или кем бы ни состоял Пэрст-Капсула, посчитал Шеврикука, его надо оповестить. И оповестил.

Пэрст-Капсула, найденный им, был жизнерадостен, хотел о чем-то рассказать Шеврикуке, возможно, о подруге, которой был намерен обзавестись или уже обзавелся, но, услышав о Белом Шуме, стал серьезным.

- Принял к сведению, - сказал Пэрст-Капсула.
- И что же, тебе придется покинуть наш дом? - спросил Шеврикука.
- Не знаю. Еще не понял. Подумаю. Установлю. Я сам себе установление.
- Ну и хорошо, - сказал Шеврикука.

Он спустился из получердачья лифтом и вышел во двор. Тотчас же, будто подстерегали его в стриженых кустах барбариса, к Шеврикуке подбежали Колюня-Убогий и Ягупкин. В руке у Колюни-Убогого была бумажка, он ее Шеврикуке и вручил.
- Уведомление, - сказал Ягупкин. - Мы посыльные. Велено передать. Тебе назначена встреча с Увещевателем. Где и во сколько - указано.

- С малым Увещевателем? Или с очень большим? - Шеврикука хотел пошутить. Но шутка вышла неудачной.
- С большим! - с трудом и будто страшась неминуемой немилости сильных, выговорил Колюня-Убогий. - А может, и с самим. С Великим.

Так. Этого ещё не хватало. Не только не призвали в подвал на экстренные посиделки, но еще и назначили беседу с Увещевателем! А может, оно и к лучшему? Но, впрочем, все зависело от того, кого нынче определили в большие Увещеватели.

Шеврикука вздохнул. Предощущение заставило его взглянуть на небо. Над ним, над Останкином, над Москвой, висел Пузырь.

- Что это? - удивился Шеврикука. - Откуда?
- Плюха какая-то, - сказал Ягупкин. - Обосновалась и не движется. Уже часа полтора.

Пузырь был тот самый, что являлся Шеврикуке во сне. Как и во сне, он был исполинский, границ вроде бы не имел, но вроде бы имел и границы. Происходили преобразования его форм и свойств, при этом менялись и его цвета, и внешние - оболочные, и доступные созерцанию внутренние. То они были нежно-серые, то перламутрово-палевые, то бледно-фиолетовые, то тихо-бурые. И будто волны неких колебаний или даже чувств исторгал Пузырь.

В наблюдателях (а уже много зевак глазели на небо вблизи Шеврикуки; стояли среди них и Свержов, и давно не виденный Шеврикукой человекобык Бордюков) они вызывали то тихонравие и ожидание благ, то тревогу и нервический зуд. Остановился возле Шеврикуки проходивший к месту жительства после подвижнической торговли мороженым в Медведкове Сергей Андреевич Подмолотов, Крейсер Грозный. Подъехал и Дударев, теперь уже в серой "тойоте".

- Дредноут какой-то плавает, - сказал Крейсер Грозный. Потом, подумав, добавил: - Но народ не унывает!

А не встала ли в Останкине и Всемирная Свеча, озаботился Шеврикука. Нет, Всемирная Свеча не встала. Внутри же Пузыря вспыхнули, замерцали таинственные, томящие душу огни, Пузырь словно бы потянулся, выгнул спину, как проснувшийся кот. И сразу успокоился, притих.

- Но народ не унывает! - подтвердил Крейсер Грозный.

Никто ему не возразил.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая
Email: ttolstaya@hotmail.com
WWW: http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/
Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова"; "Иностранка", 2000. — 384 стр.
ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")
ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")
УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз
Буки
Веди
Глаголь
Добро
Есть
Живете
Зело
Иже
И краткое
И десятиричное
Како
Люди
Мыслете
Наш
Он
Покой
Рцы
Слово
Твердо
Ук
Ферт
Хер
Ща
Ци
Червь
Ша
Ер
Иры
Ерь
Ять
Фита
Ижица

Продолжение. Начало в № 10.

ИЖИЦА

Укроп весь выпололи семо и овамо, площадку расчистили граблями, подножие пушкина обложили хворостом и ржавью, подоткнули полешек и поверху прикрутили веревками Никиту Иваныча, - к нашему всему, спиной к спине. Воздух после ливня очистился, и дышать было легко, — то есть было бы легко, кабы не слезы.

Бенедикт стоял впереди толпы, сняв шапку; ветерок играл остатками его волос, сдувал влагу с глаз. Жалко было обоих, - и Никиту Иваныча, и пушкина. Но старик, можно сказать, сам, добровольно вызвался. Почти совсем добровольно. Выказал понимание момента. Правда, и Бенедикт все разъяснил ему ясно и четко: надо. Надо, Никита Иваныч. Искусство гибнет со страшной силой. Вам, Никита Иваныч, вот, стало быть, и выпала честь принести жертву. Вы ж всегда хотели сохранить прошлое во всем его объеме? - ну вот и будьте умничкой и покажите всем пример, как это делается.

То есть, конечно, никто не заставляет, пожалуйста, можно не ходить. Но тогда вступает в силу Указ, потому как он подписан, а уж если Указ подписан, то не вступить он не может. И выйдет искусству абзац.

Неприятный был разговор. Неприятный. Пусть бы, конечно, Никита Иваныч и дальше жил себе, - сколько ему там отмерено? этого знать нельзя;

- но жизнь требует выбора. Ты за искусство али против? - спрашивает жизнь, и се, настал час ответа. Такие пироги.

Проплакавшись давеча на холме, в хвощах, проговоривши сам с собою - а словно бы и другой кто присутствовал, но это только всегдашняя кажимость, - Бенедикт прояснился и укрепился духом. Али разумом. Спокойнее как-то стал на все смотреть, - а это, пишут, есть признак зрелости. Раньше все хотел сам! сам! все сам! Чтобы выше александрийского столпа! Второй человек в государстве! Указы подписываю! Вот тебе и подписываю: Указы Указами, а в тени стола ли, кровати ли вырос незаметненько так Петрович-сан, мусорная гнида, вонючее животное; оглянуться не успели, а он уж все к рукам прибрал. Как случилось? почему? Раньше у Бенедикта с папой, - тестем тож, - тесная такая связь была, всё вместе, и работа и отдых. Клятву давали. Теперь же и ключи все у Петровича-сан, и бляшки, и пинзин, и вот теперь искусство. И смотрит взглядом тухлым, и лыбится желтыми блестящими зубами, не как у людей; а зубами теми он гордится и говорит: "Еще когда рыжуху вставил, до сих пор стоит".

И толкает, сука, на выбор. Вот и сейчас: Никита Иваныч соглашался гореть на столбе "Никитские ворота", но семья даже слушать не захотела. Пущай горит на пушкине. Ясен пень, это Терентия Петровича козни, али, по-научному, интриги. Это чтоб Бенедикт выбирал: хочешь

сохранить искусство - прощайся с пушкиным. Либо — либо.

Но Бенедикт прояснился и укрепился, и на всё стал смотреть спокойнее, так что и этот выбор он сделал сразу, без оглядки: искусство дороже.

Только ведь слезам не прикажешь, текли сами.

Никита Иваныч стоял на дровах злой как пес, выкрикивал филиппики и поносил весь свет. Волновался, понятно. Народу собралось на казнь - гибель.

Есть и знакомые, только мало, - все сейчас в основном на лечении. Вон Лев Львович кривится, вон Полторак третьей ногой голубчиков расталкивает. Вон Ивана Говядича друзья на закукорках принесли.

Оленька с Февронией под кружевными зонтиками, на летних телегах, нарядные, тучные, - оси под ними просевши, колеса на квадрат повело.

Кудеяр Кудеярыч самолично наторкал ржави под хворост, поправил полешки.

- Все - от винта!..

- При чем тут винт, - раздраженно крикнул Никита Иваныч, - винт вы еще не изобрели, блудодеи гребаные!.. А туда же! Невежество, самомнение, застой!

- Молчи, Прежний старик! - оборвал тесть. - Генеральный Санитар, жизнь, здоровье, сила, самолично, вот этими вот руками, тебе

споспешествует! А мог дома посидеть, в тепле! Спасибо бы нужно!

- Истопник Никита, знай свое дело, гори! - закричал невесть откуда взявшийся, постаревший ветеран Шакал Демьяныч слабым голосом.

- Вот что, Шакал, сто раз вам повторять, вы мне не тычьте, - топнул в полено Никита Иваныч. - И не указывайте!.. Мне четвертое столетие стукнуло! Хамство ваше у меня еще с Прежней Жизни вот где сидит! Извольте уважать человеческую личность!

- За что палят-то? - спрашивали в толпе.

- С русалкой жил.

Тесть дал рукой отмашку, навел глазами лучи и понатужился.

- Папа, папа, осторожнее, надорветесь, - волновалась Оленька.

Тесть скосил глаза к носу, свел лучи в одну точку, на ржавь, напружил шею. Задымилось немного, пошел белый едучий дым, но без огня: отсыревшие после дождя дрова не брались.

- Пинзинчику плеснуть, - заговорили в толпе, - пинзинчику надоть...

- БЕНзинчику, - закричал с верхотуры рассерженный Никита Иваныч, - сколько раз повторять, учить: БЕН, БЕН, БЕНзин!!! Олухи!

Бенедикт, утиравший глаза кулаком, дернулся, будто это его окликнули по имени.

- Да ведь все равно уже, Никита Иваныч... Какая разница...

- Нет, не все равно! Не все равно! Неужели так трудно орфоэпию усвоить?!

Терентий Петрович выкатил бочонок пинзину.

- Щас мы вам... Щас бзднет!.. С приветом от Шестого таксомоторного!..

Толпа подалась вперед, заговорила, наступала на ноги, толкала в спину. Бенедикт, вытянув шею, смотрел, как Министр откляпывал ломиком забухшую крышку. На дрова воды нальет, - догадался Бенедикт. Только как же? Как же вода с огнем сойдется? Жизнь прожил, - а так и не понял. И еще чего-то не понял. Было важное что-то...

- Да, Никита Иваныч! - вскинулся Бенедикт. - Забыл совсем! Вот так бы и упустил! А?! Вот голова дырявая! Книгу-то эту где искать?

- Какую книгу?

- Эту-то! Где все сказано!

- От винта-а-а! - опять закричал тесть.

- Книгу-то эту, что вы говорили! Где спрятана? Чего уж теперь, признавайтесь! Где сказано, как жить!

Радужная вода плеснула, окатила хворост, потекла. Завоняло. Народ бросился врозь, размазывая пинзин лаптями. Толпа голубчиков подхватила сопротивлявшегося Бенедикта, унося от пушкина в улицы.

- Никита Ива-а-аныч! Дедушка! Книга где-е-е? Быстро говорите-е-е!

- Азбуку учи! Азбуку! Сто раз повторял! Без азбуки не прочтешь! Прощай!

- Побереги-и-ись!

Выворачивая шею, увидел Бенедикт, как Никита Иваныч набирает в грудь воздуху, как разевает рот; видел, как отскочил от столба Терентий Петрович, да поздно: хы-ы-ы-ы-ых! - и вал клубящегося огня, словно взбесившееся по весне Окаян-дерево, накрыл и пушкина, и толпу, и телегу с Оленькой, и дохнул жаром в лицо Бенедикту, и простер красное крыло над ахнувшим и побежавшим народом, как птица мести гарпия.

Ббух!.. тадах!.. - ударило за спиной, и, оборачиваясь на бегу, Бенедикт увидел, как вал взвивается на дыбы, как ломит вдоль улицы, взрывая запасные бочки с пинзином, в один глоток проглатывая избы, красной дугой перекидываясь от дома к дому, слизывая тыны и частоколы, - туда, все туда, как по нитке, - к Красному Терему.

Тогда он упал в канаву, в траву, закрыл шапкой лицо и больше не смотрел.

К вечеру Бенедикт отвел шапку от лица, огляделся пустыми глазами: равнина еще курилась сизыми дымками, но огонь был сыт и улегся. Кое-где торчал закопченный остов избы, кое-где целая нетронутая улица стояла посреди желтой, скрученной жаром травы, но там, вдали, где всегда высились и отовсюду виднелись красные маковки с резными кукумаколками и

узорными боботюкалками, - там ничего не виднелось и не высилось.

Сожжена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути,
И кого целовал - не моя вина,
Ты, кому обещался, - прости...

Над желтой, жженой поляной черной гуглей стояло и курилось то, что раньше было пушкиным. Дубельт - дерево крепкое, столярное дело понимаем.

Бенедикт доволок себя до останков поэта и заглянул снизу в обугленные, размытые жаром былые черты. Бакенбарды и личико спеклись в одну лепеху. На вздутии локтя лежала кучка белого пепла с перебегавшими огоньками, а все шесть пальчиков отвалились.

У подножия скорчился обугленный трупик. Бенедикт посмотрел, тронул ногой, - Терентий. Точно, он, зубы его.

Пахло гарью. Жизнь была кончена. За спиной у идола сплюнули и пошевелились.

- Подай руку, слезу. Тут высоко, - прохрипел Никита Иваныч.

Черный как пушкин, - только белки глаз красные от дыма, - без волос и бороды, кряхтя и еще дымясь, Никита Иваныч оперся о бесчувственную Бенедиктову руку и слез с разваливающихся, прогоревших подпорок. Сплюнул угли.

- Кончена жизнь, Никита Иваныч, - сказал Бенедикт не своим голосом. Слова отдавались в голове, как в пустом каменном ведре, как в колодце.

- Кончена, - начнем другую, - ворчливо отозвался старик. - Оторви хоть рубахи клок, срам прикрыть. Не видишь, - я голый. Что за молодежь пошла.

На пепелище, вцепившись обеими руками в кудлатые волосы, бродил Лев Львович, из диссидентов, разыскивая что-то в траве, которой не было.

- Левушка! Подите сюда. Так на чем мы остановились? - Никита Иваныч обматывал себе чресла Бенедиктовой жилеткой. - Прищепку бы бельевую... До чего народ ленивый... Прищепок не заведут...

- Английскую булавку! - с укором подбежал Лев Львович. - Я всегда говорил: английскую булавку! Прекрасное, цивилизованное изобретение.

- Англии нет, голубчик. Сами должны. Нашу, липовую, деревянную.

- А вот это душок! - закричал Лев Львович - Это попахивает газетой "Завтра"! Душок! Не в первый раз замечаю! Попахивает!

- Слушайте, Левушка, бросьте все это, а давайте отрешимся, давайте воспарим?

- Давайте!

Прежние согнули коленки, взялись за руки и стали подниматься в воздух. Оба смеялись, - Лев Львович немного повизгивал, как будто

боялся купаться в холодном, а Никита Иваныч посмеивался басом: хо-хо-хо. Никита Иваныч обтряхивал с ног золу, - ступня об ступню, быстро-быстро, - и немножко запорошил Бенедикту глаза.

- Э-э-э, вы чего?! - крикнул Бенедикт, утираясь.
- А ничего! - отвечали сверху.
- Вы чего не сгорели-то?
- А неохота! Не-о-хо-та-а!..
- Так вы не умерли, что ли? А?.. Или умерли?..
- А понимай как знаешь!..

О миг безрадостный, безбольный!
Взлетает дух, и нищ, и светел,
И гонит ветер своевольный
Вослед ему остывший пепел.

Москва - Принстон - Оксфорд -
остров Тайри - Афины - Панормо -
Федор-Кузьмичск - Москва

1986--2000

Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

Снятся людям неспроста эрогенные места…

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

<ИБИС>

№ 43

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Ориентирован на примерно 108 экранных страниц формата А4 шрифтом Arial 20 полужирным. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных материалов. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) можно бесплатно получить на E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com (пароль — academia)

"Следует всеми силами продвигать знания о Тонком мире."

Агни Йога